

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 5 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 17-18 (397-8)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

25 Сентября 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В защиту республиканской Испании!

Ф. Дан. «Несколько месяцев».

А. Югов. Плановое руководство и урожай.

С. Шварц. Безрадостная годовщина.

В. Александрова. Деревня перед выборами.

Марк Рудовский. Смена аппарата.

И. Греков. Заметки: Авраам роди Исаака. — Перевернуть-ся или недовернуться?

К похищению тов. Марка Рейна.

Ф. Адлер. Маленькое происшествие и большой вопрос.

Заграницей: Новая конституция в Эстонии. — Латвия на военном положении.

По России: «Вражеские гнезда» в национальных республиках.

Фельетон: П. Гарви. Международная анархия и борьба с нею.

В защиту республиканской Испании!

На совместном заседании, состоявшемся в Париже, Бюро Международной Федерации Профессиональных Союзов и Рабочего Социалистического Интернационала постановили опубликовать следующее сообщение:

15-16 сентября состоялась в Париже, под председательством Вальтера М. Ситрина и Луи де-Брукэра, совместная сессия Бюро профессионального и социального Интернационалов.

Сессия эта была созвана по предложению «Испанского Профессионального Центра» для нового суждения об испанских делах.

МФПС была представлена членами ее бюро: Якобсеном, Жуо, Куперсом, Мертенсом и Тайерле, генеральным секретарем Вальтером Скевенельсом, товарищем секретаря Г. Штольцем. Сверх того Жорж Бюиссон представлял французскую СЖТ. Испанская делегация состояла из Ларго Кабальеро, Паскуале Томаса, Аракистейна и Ллописа.

РСИ был представлен, кроме Луи де-Брукэра, секретарем его Адлером, Дальтоном и Гиллисом (Великобритания) и Браком (Франция). Испанской социалистической партией были делегированы Кордера, Пенья и Азорин.

После обширных докладов Кабальеро (УХТ), Пеньи (испанская партия) и де-Брукэра, только что вернувшегося из поездки в Испанию, вызвавших оживленный обмен мнений, позиция обоих Интернационалов была фиксирована в следующей резолюции:

«МФПС и РСИ уже неоднократно — и, в частности, в своей резолюции от 24 июня — формулировали политику, которой они намерены совместно следовать, чтобы добиться восстановления принадлежащих Испании международных прав и охранения всеобщего мира гвердым применением на деле принципов коллективной безопасности.

«События слишком ясно показали правильность их точки зрения, и они более, чем когда-либо, одушевлены решимостью добиваться со всею энергиею и всеми имеющимися в их распоряжении средствами осуществления программы, которую они себе наметили в упомянутой резолюции.

«Совет и Ассамблея Лиги Наций, заседающие в настоящий момент, смогут, если общественное мнение захочет того с достаточной силой, сделать очень много для спасения мира и восстановления права.

«В качестве первых срочных мер Интернационалы гребуют:

«1. Энергичного подавления пиратства в Средиземном море и действительного восстановления свободы плавания для всех признанных флагов. Приветствуя Нионскую конвенцию, как первый шаг в этом направлении, нельзя не видеть ее явной недостаточности, вследствие чего вмешательство Лиги Наций остается совершенно необходимым.

«2. Отзыва иностранных войск, которые были посланы в Испанию фашистскими державами и характер ко-

торых цинично подчеркнут в недавних речах Муссолини и Гитлера.

«Статьей 10-ой пакта члены Лиги Наций обязались уважать и охранять против всяких внешних интервенций территориальную целостность и политическую независимость всех членов Лиги». Пора наконец применить это положение на деле, и Совет должен обсудить средства обеспечить выполнение этого обязательства.

«3. Возвращения законному правительству Испании права приобретать на международном рынке оружие, необходимое ему для восстановления порядка и мира на

его территории, что входит, очевидно, в систему мер, обеспечивающих выполнение упомянутого выше обязательства».

«Интернационалы призывают примыкающие к ним организации удвоить усилия, чтобы обеспечить успех проводимой ими совместно политики. Сами Интернационалы посылают в Женеву делегацию для предъявления формулированных ими требований».

В состав посланной в Женеву делегации вошли от МФПС Ситрин и Жуо, от РСИ де-Брукэр и Лонге.

Ф. ДАН.

„Несколько месяцев“

Как сообщают «Известия» (10 сентября), выборы в Верховный Совет СССР произойдут «через несколько месяцев». Срок — непостижимо долгий, если вспомнить, что свыше 2 лет и 7 месяцев прошло с того дня, когда 7-ой Всесоюзный Съезд Советов принял 31 января 1935 года свалившееся ему, как снег на голову, предложение Пленума ЦК о введении новой конституции; свыше 1 года и 3 месяцев со дня опубликования выработанного Сталинско - Бухаринско - Радековской комиссией проекта конституции; свыше 9 месяцев со дня принятия этого проекта (5 декабря 1936 г.) 8-ым Чрезвычайным Всесоюзным Съездом Советов; и почти 2½ месяца со дня опубликования (2 июля 1937 г.) Положения о выборах и принятия этого Положения ЦИК-ом СССР (7 июля). Теперь граждане Советского Союза осведомляются (да и то лишь в ни для кого не обязательной форме фразы, мимоходом оброненной в газетной передовице), что им придется во всяком случае ждать еще «несколько месяцев», прежде чем они будут допущены к осуществлению «самых демократических в мире» выборов. Но этих нескольких месяцев, очевидно, еле-еле хватит Сталину для той подготовки превращения этих выборов в бонапартистский плебисцит, которую он неустанно ведет вот уже тоже свыше двух лет и которая, повидимому, все еще далека от завершения.

Одним из самых основных средств этой подготовки является, как известно, физическое и моральное истребление всех действительных и предполагаемых Сталинских врагов, супостатов и возможных соперников. После уничтожения чуть не всех поголовно «идеологов» и строителей большевизма и наиболее представительных фигур героической эпохи и революционных традиций большевистской партии, большевистской революции и гражданской войны, террористическая чистка «спускается» (употребляем излюбленное большевиками выражение) на «места» и в «низы».

Но тут задачи чистки оказываются прямо необъятными и непосильными никакому Геркулесу. В каждом национальном правительстве, в каждом советском Наркомате, в каждом ведомстве, в каждой партийной и комсомольской организации, начиная от Центральных Комитетов и вплоть до ничтожнейших местных ячеек, в каждом учебном заведении и научном учреждении, в профсоюзных, в кооперативных, в судах, в милиции, на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах — всюду засели, всюду в течение ряда лет окопались, всюду насадили своих ставленников троцкистско - бухаринские выродки, враги народа, вредители, диверсанты и германо - японские шпионы. Из дня в день советские газеты сообщают о чудовищных преступлениях, кото-

рые во всем прочем мире случаются раз в сто лет, но которые в счастливой стране социализма стали как будто будничным, бытовым явлением: руководители молодежи насаждают среди нее пьянство и разврат, воспитательницы травят детей, врачи морят порученных им больных, ветеринары уничтожают скот, железнодорожники организуют крушения, организаторы промышленности ломают машины, колхозные бригады саботируют уборку урожая, и все сплошь мечтают о восстановлении капитализма и продают «социалистическое отечество» оптом и в розницу иностранной буржуазии и японо - германскому фашизму! Повальная садистская уголовщина и повальное моральное разложение партийного и советского аппарата — таков, если верить сталинской печати, итог 20-летнего развития революции. Злейший враг революции, самый доподлинный «агент мирового фашизма» не мог бы придумать более удручающей картины!

Мы не сомневаемся в том, что режим сталинской диктатуры накопил в своем аппарате огромные залежи всяческой коррупции, хамства, насильничества, беспринципного карьеризма, ни перед чем не останавливающегося аморализма, неуважения к человеческой личности и человеческой жизни. И все-же мы отказываемся принимать за чистую монету то нагромождение уголовных ужасов, в котором как бы «соревнуются» друг с другом сталинские молодцы и на котором слишком явно лежит печать политического «задания».

Дело в том, что и «чистка», сверху до низу, проводится по принципу той-же «амальгамы», которая до сих пор практиковалась во всех «больших» процессах. Подготавливая свой плебисцит, Сталин охотно бросает в жертву «народному гневу» сотни и тысячи тех подлинных насильников и самодуров, хамов и хулиганов, воров и казнокрадов, беспринципных карьеристов и невежд, которые под его же крылышком так густо заполнили партийный и советский аппарат, громче всех пели осанну великому вождю народов и усерднее всех расчищали ему путь к единовластию. Но, приклеивая ко всякой политической оппозиции ярлык вредительства и шпионства, Сталин в то же время всякую уголовщину покрывает политически-оппозиционным флагом. «Буржуазные националисты», «троцкисты», «бухаринцы», честные политические оппозиционеры сваливаются в одну дьявольскую кучу с подлинными ворами, убийцами и шпионами.

Этим «амальгамным» ударом убиваются сразу два зайца. Под шум расправы с настоящими уголовными бандитами, из партийного и советского аппарата выбрасываются десятки, а может быть — ниже мы еще покажем это — и сотни тысяч честных и дельных людей,

повинных лишь в недостаточно «сто процентной» преданности «величайшему другу трудящихся всего мира». И в то же время готовящегося к подаче избирательно-го бюллетеня советского гражданина заранее приводя в состояние паники — паники перед опасностями, грозящими его имуществу, здоровью и жизни со стороны всюду притаившихся «врагов народа», паники перед своим собственным зачислением в шпионы и вредители, паники, которая должна парализовать всякую способность его к сопротивлению и заставить его броситься в объятия «спасителя» — все того-же великого Сталина и его ставленников.

Понятно, почему сталинские молодцы так изощряются в придумывании все более чудовищных и невероятных преступлений, творимых по всему лицу советской земли волей все того-же вездесущего «троцкистско-бухаринского» Сатаны: ведь, чувством меры эти «безлестные преданные» никогда не отличались, а отмахнуться от их «головотяпства», предварительно пожав плоды его, Сталин, в случае нужды, всегда успеет...

Подготавливая свой плебисцит, Сталин громит старый партийный и советский аппарат. Это — акт неслыханного политического предательства. Ибо, опираясь именно на этот аппарат, Сталин изничтожил все разновидности коммунистической оппозиции, истребил всю головку старого большевизма и заложил фундамент своего единовластия. Но для закрепления и оформления этого единовластия ему нужны люди совершенно иного калибра, чем те, которые заполняли старый аппарат. Ему нужны не те, кто его выдвигал в единоличные диктаторы, а те, кого он сам выдвигает на верхушку советской пирамиды; люди, ему обязанные своим возвышением и возможно меньше связанные с социалистическими, революционными и партийными традициями старого большевизма. Ибо, объявляя себя исполнителем и завершителем революционно-социалистических традиций большевизма, Сталин на деле ощущает их так же, как непрерывную угрозу своему единодержавию, как Наполеон Бонапарт ощущал традиции якобинизма. Недаром вся советская печать делает такой «упор» на «непартийных большевиков», и недаром «Известия» заявляют (12 августа), что «затирание беспартийных в корне противоречит... сталинским принципам выращивания и выдвижения кадров».

Как напоминают те-же «Известия», еще на февральско-мартовском пленуме ЦК Молотов указывал, что «громить троцкистов и иных вредителей и выдвигать новых, способных, преданных работников советской власти — это две стороны одной и той-же задачи». Разгром старого партийного и советского аппарата ставит во весь рост проблему быстрого создания аппарата нового, проблему выдвижения новых, преимущественно «молодых» кадров, человеческий материал для которых черпается в среде, не только физически выросшей, но политически и интеллектуально сложившейся уже в «сталинскую» эпоху.

В каких планетарных масштабах происходит смена аппаратного персонала, — о том достаточно внушительно говорит напоминание «Правды», что «речь идет о выдвижении нескольких сот тысяч партийных руководителей» (17 авг.). Но, ведь, «Правда» говорит лишь о партийном аппарате. А кроме аппарата партийного имеется еще гораздо более численный аппарат советский со всеми его административными, хозяйственными, военными, полицейскими, судейскими, научно-культурными и т. д. разветвлениями, аппарат комсомольский, профсоюзный, кооперативный, литературно-художественный, оссоавиахимовский, Мопровский, Ко-

минтернский и т. п. И всюду, на всех ступенях этих аппаратов происходит та-же массовая «чистка», то же «выдвижение» новых кадров. Читатель видит, что мы не преувеличили, скорее преуменьшили, когда говорили о десятках, а может быть, и сотнях тысяч людей, сгоняемых с насиженных мест и заменяемых новыми, «молодыми» людьми. Осуществление двусторонней задачи, о которой говорил Молотов, совершается в порядке, обозначающем на деле гигантский социальный сдвиг, колоссальное перераспределение приобретенных в революции «благ». Эти блага изъеются из рук старой, в до-революционный и бурно-революционный период выдвинувшейся бюрократии и передаются в руки бюрократии новой, как награда или, точнее, как залог ее «беспредельной преданности» (выражение «Правды») взростившему и возвысившему ее «вождю».

Нет сомнения, что в несметном полчище «выдвигаемых» найдется известное количество талантливых, способных и знающих людей, могущих справиться и с теми чисто-практическими, и с теми полицейско-политическими задачами, которые на них возлагаются. Но точно так же нет сомнения, что в массе своей эти люди, подбираемые исключительно по признаку «беспредельной преданности», вряд-ли окажутся дельными организаторами государственного управления и хозяйства. Более того: они вряд-ли чрезмерно долго будут служить надежной опорой диктатору-единодержавцу. Нас никоим образом не должны водить в заблуждение те пышные дифирамбы, которые слагаются в честь «выдвигаемых» сталинской печатью, и те восторженные гимны, которые поют сами выдвиженцы великому вождю. Разве мало прошло перед нами «лучших соратников» Сталина, которых осыпала цветами и овациями советская «общественность», которые сами наизнанку выворачивались в публичных славословиях всемогущему диктатору и которые, однако, в 24 часа превращались в подлежащих истреблению «бешеных собак»? Фальшь и лицемерие никогда еще не праздновали такой оргии, как под железной пятой сталинского режима!

Советское государство «тоталитарно» в самом полном смысле этого слова. Оно охватывает своими щупальцами, подчиняет себе и регулирует все стороны жизни советского гражданина, вплоть до бытовых и самых интимных. Его аппарат поэтому слишком многочислен и слишком глубоко уходит своими корнями в самую толщу народных масс, слишком интимно сплетается с повседневною жизнью их, чтобы по крайней мере низовые звенья его (а в звеньях этих размещаются миллионы людей!) не поддавались их воздействию и влиянию, не отражали до известной степени их настроений и чаяний. Сколько бы ни старался Сталин создать себе аппарат, который был бы непроходимой пропастью отделен от масс и только лично ему беспредельно предан, это никогда не удастся ему — именно в силу абсолютной «тоталитарности» его диктатуры. И не случайно, конечно, самым «слабым» звеном при чистке аппарата «национальных» республик оказывается почти повсюду Наркомзем: теснейшее соприкосновение с крестьянством превращает именно сельско-хозяйственный аппарат в средоточие «буржуазного национализма», «троцкизма», «бухаринства» и всякой иной оппозиционной скверны...

Насколько безнадежны усилия диктатора застраховать себя построением нового и на этот раз уже стопроцентно надежного аппарата, — о том лучше всего свидетельствует состояние Комсомола.

Если поставлена ставка на «молодые кадры», то где-

же черпать эти кадры, если не в Комсомоле? А между тем, согласно постановлению 4-го пленума ЦК Комсомола («Правда», 29 авг.), весь Комсомол сверху до низу оказывается пронизан моральным и бытовым разложением, сверху до низу охвачен «врагами народа». Мы не знаем, какова личная судьба Косарева, на которого, как констатирует постановление, «в первую голову» падает вина за такое положение дел в монополярной советской организации молодежи: судя по тому, что в «Известиях» от 8 сентября еще упоминается «Аэроклуб имени А. В. Косарева», пронырливый секретарь Комсомола и на этот раз умудрился выйти сухим из воды. Но вся головка Комсомола разгромлена («Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Бубекин, Андреев и другие» уже объявлены «изменниками родины» и «врагами народа», возглавлявшими «контр-революционную троцкистско-бухаринскую свору», и участь их, конечно, не вызывает никаких сомнений.

По словам постановления «банда приспешников японско-германского фашизма в Комсомоле» «вербовала среди неустойчивых элементов в комсомоле кадры шпионов, диверсантов, террористов и разведчиков», срывала «рост ВЛКСМ, особенно в деревне», тормозила издание литературы, разваливала работу столовых, клубов и различных культурных учреждений, срывала снабжение культурными и спортивными товарами и т. д., и т. д., и действовала главным образом «насаждением в среде молодежи пьянства и хулиганства» и поощрением ее «морального разложения».

Как видим, и облик организованной советской молодежи на 20-ом году революции сталинские молодцы рисуют красками, взятыми с палитры злейших врагов революции. Предоставим им распространять эту гнусную клевету на советскую молодежь. Для нас важно и существенно лишь признание постановления, что так наз. «враги народа» в комсомоле «широко» развернули приписываемую им «подрывную работу», и что даже среди «актива» комсомола «широко» распространены вредные, политически ошибочные настроения. Ибо это — признание того неоспоримого факта, что не в головке комсомола, в течение долгих лет возглавлявшейся Косаревым и, вероятно, впрямь давно уже «морально разложившейся», дело, а в том, что в широких массах советской молодежи, даже той «полу-привилегированной», которая втянута в комсомол, разлито глубокое недовольство создавшимся положением, и что, сколько ни муштруют ее на благодарность диктатору, подарившему ей будто бы «счастливую юность», добиться от нее «беспредельной преданности» так и не удастся.

Из сообщений, проскальзывающих на страницы самой советской печати, мы знаем, что советская молодежь в массе своей задыхается в той атмосфере казенных, штампованных и «высочайше одобренных» фраз и идей, фальши и лицемерия, повального доношительства и подхалимства, в которую пытается замкнуть ее бонапартистски вырождающаяся диктатура; и в советской молодежи, как и в молодежи всего мира, горит беспокойный дух искания; и она мучительно бьется над разрешением проблем и загадок жизни; и ее обуревают идеалистическое стремление к «подвигу». И так как «подвиги», вроде исследования Арктики, в той чисто «практической» области, которая только и открыта для ее самостоятельности, доступны лишь единицам; так как перед нею наглухо захлопнуты двери свободной общественной самостоятельности и свободного служения своему классу; и так как опять-таки лишь немногие могут «бежать» от жизни с ее опостылевшей казенщиной в романтику прошлого, в старую литературу и искусство, — то неудивительно, что все возрастающая часть моло-

дежи ищет утешения своей «идеалистической» жажды в мутных источниках национализма, ура-патриотизма и религиозной мистики. Это — великое преступление сталинской диктатуры и великая опасность для всех судеб революции, но это в то же время неоспоримое свидетельство безнадёжности усилий диктатуры превратить вливаемые ею в свой аппарат «молодые кадры» в тех людей-автоматов с раз навсегда заведенным организмом в голове, в которых нуждается Сталин для укрепления и оформления своего единовластия.

И это не может быть иначе. Ибо, независимо от того, что, как уже сказано, аппарат «тоталитарной» диктатуры слишком глубоко уходит своими корнями в народную толщу, самый аппарат этот может поглотить сотни тысяч молодежи, но основные миллионы ее, при далеко зашедшей уже дифференциации и стабилизации социальных отношений в советском обществе, неизбежно должны и будут оставаться в рядах тех классов, в которых они рождаются, в рядах пролетариата и крестьянства, и следовательно неизбежно должны и будут внести во все, самые оказанные организации «дух» этих классов, их мечты, надежды и настроения.

И вот почему, как ни могуч и разветвлен аппарат диктатуры и как ни важны для судеб революции происходящие в нем и вокруг него процессы, нельзя забывать, что аппаратом этим ни советская страна, ни советская революция не исчерпываются. За пределами этого аппарата остаются многомиллионный рабочий класс и еще более многомиллионное крестьянство, способные сказать свое слово и даже подчинить этому слову значительную часть и самого аппарата.

Надо все сделать, чтобы эти трудящиеся классы сказали это свое слово. Надо все сделать, чтобы они сказали его возможно скорее. Надо все сделать, чтобы они начали говорить его уже на предстоящих выборах.

Разумеется, нельзя строить себе никаких иллюзий. Трудящимся массам вряд ли удастся выставить своих кандидатов в противовес навязываемым им кандидатам казенным: ведь, и «самая демократическая в мире» конституция предусматривает выставление кандидатов в порядке открытого голосования. Надо отдать себе отчет и в том, что трудящимся массам будет крайне трудно сделать и «тайное» голосование свое свободным: ведь, если и предположить, что тайна голосования и впрямь обеспечит свободу каждого отдельного избирателя, то абсолютно тоталитарная диктатура, в руках которой находится распоряжение всеми финансовыми и товарными фондами страны, которая может по произволу «награждать» одних и «карать» других, имеет достаточно средств, чтобы, вопреки «тайне» выборов, оказывать сильнейшее давление на избирательские коллективы, будь то отдельные города и поселения или отдельные учреждения, предприятия, фабрики и колхозы, заранее ставя их благополучие в зависимость от исхода выборов в данном избирательном участке.

Да, трудности огромны. Но если хоть сколько-нибудь заметная часть рабочих и крестьян, вопреки этим трудностям, выразит свое настроение черняками, которые положит в избирательные урны сталинским сановникам, — то будет акт огромного не только симптоматического, но и практически-политического значения; то будет началом мобилизации трудящихся классов во имя демократической ликвидации диктатуры и против бонапартистского завершения ее. И тех «нескольких месяцев», которые отделяют еще нас от выборов, истине не слишком много, чтобы все честные социалисты все усилия свои напрягли для подготовки этого спасительного акта!

А. ЮГОВ.

Плановое руководство и урожай

Закрепление единоличной диктатуры, кровавая расправа даже с потенциальными и мнимыми противниками несколько отвлекли внимание от всех других вопросов, в том числе и экономических.

Хотя и мы думаем, что в современной России сейчас основное — решающее значение имеют процессы, происходящие в области политической и социальной, однако экономическая обстановка всегда имеет такое громадное значение, что и сейчас необходимо пристально и тщательно изучать явления, происходящие в советской экономике.

В № 12/13 «С. В.», в статье «Вредительская чистка» мы осветили те процессы дезорганизации и регресса, которые происходят в советской индустрии по прямой вине высших руководителей, помешавшихся на вредительстве. Конечно, никакой хозяйственной катастрофы в СССР не произошло, вопреки утверждению антисоветской печати, но поступательные темпы замедлены, а иногда даже приостановились. Особенно дезорганизующе сказались все формы «чистки» на качественных показателях работы индустрии.

В настоящей статье мы хотим остановиться на состоянии и итогах сельского хозяйства Союза.

Почти вся эмигрантская печать упорно утверждала, что в 1937 году население СССР вымирало от голода в результате неурожая 1936 года, и что впереди вновь предстоит неминуемый голод в виду очень мрачных перспектив урожая в 1937 году. Отсюда — яростные нападки на коллективизацию, и вновь возродившиеся надежды на скорое падение советской власти.

При всем нашем отрицательном отношении к методам насильственной коллективизации, ни террор последних месяцев, ни неурожай 1936 года не побудили нас изменить положительную оценку коллективных форм землепользования, механизации и механизации, созданных в СССР в последние годы. Наши соображения по этим вопросам мы развивали не раз на страницах нашего журнала. Мы считали также сгущенными и тенденциозными сообщения о массовом голоде и размерах неурожая 1936 года и уж совершенно необоснованными предсказания, делаемые уже в июне и июле о предстоящих итогах урожая текущего года.

Теперь наступило время, когда можно оценивать размеры урожая 1937 года не на основании гадательных предположений и тенденциозных прикидок, а в свете фактов уже взвешенных и определивших свою тенденцию.

Раньше об урожае 1936 года.

Уже то обстоятельство, что советская власть до сих пор не опубликовала точной цифры урожая 1936 года, заставляло и заставляет предполагать неблагоприятные итоги. Почти во всех органах советской печати можно было с начала текущего года где-нибудь встретить в придаточном предложении ссылку на недород 1936 года, но размеры зернового сбора 1936 года упорно скрывались. Но с мая 1937 года в специальных органах стали проскальзывать отдельные сообщения, позволяющие исчислить приблизительно сбор хлеба 1936 года.

На основании таких косвенных показателей (статья

П. Месяцева в журнале «План») было исчислено, что урожай 1936 года колеблется между минимумом 748 милл. ц. и максимумом в 840 млн. ц. (см. А. Глебов «Советская статистика», «С. В.», от 14 мая). Недавно журнал «Проблемы Экономики» и «Правда» вновь привели косвенные данные, по которым размеры урожая зерновых в 1936 году можно исчислить в 770-780 млн. цент. *).

Если эта цифра верна, или близка к верной, то урожай 1936 г. выше 1928, 1929, 1931 и 1932 гг., но ниже урожая 1930, 1933, 1934 и 1935 гг., притом ниже 1935 года почти на 15%. Такой низкий уровень урожая, конечно, должен был создать в стране весьма напряженное положение в хлебном балансе.

Обвинять коллективизацию, как причину неурожая 1936 года, нет никаких оснований, хотя бы потому, что после насильственной массовой коллективизации, начавшейся в 1929 году, было три года с пониженным урожаем и пять лет с высокими урожаями.

Причина неурожая 1936 г. лежит главным образом в неблагоприятных погодных условиях и отчасти в дезорганизующем влиянии высших руководящих и планирующих органов СССР, о чем мы будем говорить далее.

В прошлом году в ряде стран, начиная с стран низкой культуры (Болгария, Польша) до стран с высокой культурой (Германия, Франция), неблагоприятная погода обусловила пониженные урожаи зерновых. Достаточно указать, что в прошлом году урожай пшеницы был ниже предыдущего года; в Канаде на 20%, а во Франции на 18%. Человечество уже умеет бороться с отрицательными результатами заморозков, засухи, умеет уменьшать их губительное влияние, но полностью преодолеть их оно еще не может.

Тот, кто действительно серьезно изучал обстановку прошлого года в сельском хозяйстве Союза, должен признать, что, если за неурожайным 1936 годом не последовал неурожайный 1937 год, то именно благодаря тому, что в России уже не существует хозяйственно беспомощного и технически примитивного мелкого единоличного хозяйства. Коллективизация, как форма крупного и хорошо технически оснащенного хозяйства, показала, что, даже при всей уродливости современного управления, она оказалась способной наименее болезненно и наиболее быстро изжить последствия неурожая. Не было ни гибели скота, ни массового недосева, ни уменьшения технических посевов, ни снижения урожайности, что в былые годы бывало обычно в годы, следующие за неурожайными.

Не было в прошлом году и голода, как сколько

* Соображения Эконом. Кабинета С. Н. Прокоповича о необходимости сбрасывать в последние годы 10% на потери — неубедительны. Данные должны быть сравнимы с прошлыми годами, когда потери были не меньшие, особенно в годы продразверстки и генеральной линии. Разделения советскими плановиками урожаев на реально-валовые и нормально-хозяйственные — были лишь временными гримасами советских плановых органов. Неслучайно, что такие серьезные экономисты, некогда работавшие в Госплане как Громан, Базаров, Оганевский и др. упорно отрицали этот метод исчисления урожая. Сейчас этот метод оставлен и Госпланом, и Госуд. Комиссия по определению урожайности ликвидирована.

нибудь массового явления. После трех лет высокоурожайных у колхозов и у колхозников *) были некоторые запасные фонды. Даже при современной бюрократической структуре колхоз не может не придти своим нуждающимся членам на помощь семенными, фуражными и продовольственными ссудами. Как бы ни было извращено управление колхозами, но и теперь колхозник может гораздо легче перенести неурожай, чем переносил его в былые времена рядовой крестьянин.

Не было в последние месяцы ни спекулятивной продажи и покупки хлеба, ни массового выбрасывания мяса на рынок, ни быстрого повышения цен на хлеб и другие с.-х. продукты, ни стихийного притока крестьян в города для скупки хлеба, — т. е. всего того, что так характерно для голодных лет.

В этом году советская власть сделала еще одну очень существенную уступку крестьянству: свободная продажа хлеба не была прекращена даже на период уборки и сдачи государству хлеба. Конечно, власть пошла на этот шаг, потому что поняла, что ни государственная торговля, ни так наз. кооперация не справятся с обеспечением хлебом всего нуждающегося в покупном хлебе населения.

Это косвенное свидетельство банкротства советской торговли.

Но то, что вольный рынок и внутрикрестьянский оборот эту миссию выполнили удовлетворительно, без резкого повышения цен на хлеб — серьезное доказательство того, что хлеба в стране в общем было достаточно, хотя и были районы с дефицитом хлеба.

Во многом повинна советская власть, но с послед-

*) Конечно, положение той части единоличников, которая не имеет интенсивного хозяйства или подсобных заработков — очень тяжело. Одни из них — превратились в наемных рабочих совхозов, другие — систематически голодают

ствиями недорода 1936 года она боролась энергично. Общегосударственные и политические соображения побуждали ее сделать все, чтобы смягчить последствия неурожая. Вывоз хлеба был совершенно прекращен. Крестьянам — колхозным и единоличным — и колхозам были предоставлены ссуды из государственных запасов. Все натуральные недоимки были ликвидированы.

Недород 1936 г. был пережит и страной и населением легче, чем прошлые годы с пониженным урожаем.

Все сведения, которые сейчас имеются, о состоянии посева и сбора хлеба в 1937 году говорят о высоком урожае. Корреспонденции из всех зерновых районов: с Украины, с Дона, с Кубани, с Поволжья, из Черноземных областей, из Сибири — описывают прекрасный урожай. Советская печать уверяет, что и нормы урожайности и размеры валовых сборов по всем культурам и во всех районах страны — выше плана. Председатель ЦУНХУ Верменичев сообщил, что: «Высокий уровень урожайности в 1937 году мы имеем по всем республикам, краям и областям».

И не в пример прошлому году, он уже сообщил ожидаемые результаты сбора зерновых: урожайность в среднем свыше 10,4 ц., а общий валовый сбор выше 7 миллиардов пудов, т. е. выше 1.150 млн. центнеров.

Если это верно, то урожай этого года рекордный.

Мы научились скептически относиться к советским оптимистическим сообщениям. Подождем с окончательными выводами итогов законченного сбора. Впереди еще много сложностей и трудностей. Хлеба еще не убранные (13% еще не скошены, 30% еще не убраны в скирды) могут еще подвергнуться изменению погоды. Дождь, заморозки, ветры могут принести еще много бед. Медленно, с большими неурядицами и бестол-

П. ГАРВИ.

Международная анархия и борьба с нею

Маркс писал как-то о необходимости добиваться того, чтобы в отношениях между народами соблюдались те же начала права и морали, которые регулируют отношения между частными лицами во всяком упорядоченном обществе. Развитие международных отношений за последнее время характеризуется тем, что все решительно начала международного права и морали, выработанные долгим и мучительным опытом человечества цинично и умышленно попираются тремя великими державами, ставшими на путь завоевательной политики. Несовершенные, но все же исторически прогрессивные формы (Лига Наций, Вашингтонское соглашение, Локкарно, пакт Келлога-Бриана), в которые отлился международный «правовой порядок» после мировой войны, взрываются одна за другой. Поощряемые растерянной пассивностью или близоруким самоустраниением демократических стран, страны-агрессоры добиваются нового передела мира путем самочинного аннулирования или нарушения существующих договоров, путем вооруженной интервенции, а то и прямого военного нападения. Международно-правовой нигилизм этих «защитников цивилизации» развязывает международную анархию, прямоком ведущую к новой мировой войне.

Если нужны еще были доказательства правильности основного положения социалистической внешней политики о неделимости мира, то они даны последними событиями в преизбытке.

В мировой печати указывалось уже на то, что неделимость мира во времени и в пространстве является логическим выводом из анализа международных конфликтов современности. В самом деле, между первым разбойничьим нападением Японии на Китай, итальянским захватом Абиссинии, итало-германской интервенцией в Испании и новым набегом Японии на Китай существует тесная связь: это звенья одной и той же цепи международных правонарушений, поощряемых безнаказанностью. Но не менее ясна и противоположная неделимость мира. Обострение международного положения в Европе в связи с итало-германской интервенцией в Испании несомненно окрылило японских милитаристов, предпринявших новый набег на Китай. И в то же время нападение Японии на Китай, отвлекая внимание Великобритании и Франции к бассейну Тихого океана, ослабляет их позиции в Европе и тем развязывает руки Италии и Германии, стремящимся к совместной гегемонии в Европе.

Но эта стихийно устанавливающаяся взаимозависимость между различными очагами военной опасности приобретает исключительно грозное значение, когда она принимает характер военно-политического сговора, а может быть и военного союза Германии, Италии и Японии. «Ось» Берлин-Рим превращается в «треугольник», стремящийся охватить и подчинить своему господству весь триединый материк — Европу, Африку и Азию.

ковщиной происходит молотьба хлеба. Громадны потери, очень велики хищения.

При этом, конечно, надо не делать широко распространенной ошибки. Потери в ковычках, т. е. хищения и утайки зерна колхозами и колхозниками — это не гибель зерна с точки зрения народного хозяйства, это лишь вынужденная, хотя и уродливая реакция крестьян на несправедливое распределение продукта между производителями и государством.

Но миллионы центнеров зерна действительно гибнут на полях, прорастают, уничтожаются грызунами, птицами и насекомыми, сгорают и гниют на ссыпках и амбарах.

Все эти опасности еще угрожают урожаю текущего года. Много оснований опасаться, что количество действительно собранного и распределенного между государством, колхозами и крестьянами зерна будет меньше, чем в первых предположениях.

Но при всех этих поправках, при всех этих нужных скидках, весь тон руководящих советских органов, все настроение сообщений с мест, все сравнения урожайности отдельных районов с прошлыми годами заставляют нас думать, что 1937 год будет годом высокого урожая.

Выше мы указали, что помимо основных стихийных причин определивших неурожай 1936 года влияли отрицательно и причины административно-планового характера.

Все управление сельско-хозяйственным производством в СССР в настоящее время осуществляется централизованно государственными органами. Госплан, Наркомзем определяют план с.-х. кампании, ее размеры, соотношение культур, методы обработки и осуществляют планы через управления, МТС и парторганизации.

Теперь, в свете событий в Испании и на всем протяжении Средиземного моря, с одной стороны, на Дальнем Востоке, с другой, даже ослепленным социальной предвзятостью буржуазным политикам должно стать ясным, что скрывается за «антикоммунистическим» крестовым походом, якобы только «идеологически» объединившим узами тройственного «согласия» Италию, Германию и Японию. Антикоммунистическая вывеска на деле должна служить прикрытием для военно-политического союза трех стран-агрессоров и в то же время, играя на социальной настороженности буржуазии в демократических странах, ослаблять морально-политический военный потенциал последних.

«Ось» Берлин-Рим ближайшим образом затрагивает проблематику Европы и лишь посредственно, во второй инстанции, мировую проблематику. Превращение этой оси в «треугольник», упирающийся вершиной в далекую Японию, непосредственно поднимает вопросы мирового масштаба. В бассейне Тихого океана скрещиваются и сталкиваются интересы мировых держав Старого и Нового Света. Вот почему события в Китае имеют поистине мировое значение. Японские штыки «прощупывают» на этот раз не только Китай и его способность к сопротивлению, но косвенно и Советский Союз, а за ним — Соед. Штаты, Англию и Францию.

На чрезвычайной сессии японского парламента министр иностранных дел Хироита заявил, что «основной целью политики японского правительства является установление порядка в Восточной Азии путем сотрудничества между Японией, Манчжурией и Китаем для общего их блага». Лицемерие этой формулировки бьет в гла-

Эти учреждения работают бюрократически, подчиняясь раньше всего инструкциям политического порядка. В годы благоприятной погоды отрицательные факторы чиновничьего руководства не могут совершенно парализовать положительные факторы: соединение высокой агрокультуры, с интенсивностью труда колхозников и благоприятной погодой. Плохие и путанные планы лишь снижают размеры урожая.

Но в неурожайные годы постоянная смена руководства, беспорядочное изменение посевных планов, недоставка семян, нужных машин и удобрений и пр., и пр. несомненно играют свою отрицательную роль.

При современной системе ни колхозы, ни колхозники не чувствуют себя хозяевами в колхозе, не считают себя ответственными за с.-х. производство, они привыкли считать себя лишь подчиненными представителям власти, они вынуждены исполнять их распоряжения, даже считая их вредными. А это ведет часто к весьма губительным последствиям.

Мы останавливаемся на этом обстоятельстве потому, что сейчас советская власть подготавливает, а отчасти уже проводит, мероприятия, которые, в случае их недостаточной продуманности и плохом выполнении, сыграют роковую роль на долгие годы.

Советская власть уже издала декрет о посевах сортовыми семенами и опубликовала проект декрета об обязательных севооборотах.

Между тем, одновременно, правительственные органы признали, что до сих пор деятельность высших госорганов сводилась к уничтожению хороших семян и к наделению колхозов дурными. Органы Наркомзема приказами для целых районов «внедряли сорта плохие» и «отдавали на перемол ресурсы лучших сортовых семян». Совнарком,

за: «сотрудничество», к которому Япония хочет штыком принудить Китай, есть не что иное, как благозвучное наименование для утверждения японского господства над всем Китаем. В свою очередь, установление этой гегемонии над Китаем должно явиться лишь первым этапом на пути к осуществлению лозунга «Азия для азиатов», т. е. Азия для японцев. Порабощенный Китай будет превращен в плацдарм для вытеснения России из Сибири, Англии из Индии и Франции из Индокитая. Знаменитый план Танаки остается путеводной звездой японской военщины: господство в Азии, как ступень к всемирному господству.

Японская военщина, окончательно, повидимому, подчинившая себе в атмосфере военного угара политические партии, парламент и общественное мнение страны, действует на этот раз с исключительной напористостью и бесцеремонностью. С неприкрытым цинизмом она проводит свою испытанную тактику: ведение войны без объявления войны. В пору первого набега на Китай японское правительство вынуждено было еще считаться до известной степени с «невесомыми» факторами: с Лигой Наций, в которой она еще состояла, с пактом Келлога, за которым стояло общественное мнение Америки, с Англией, ревниво оберегавшей свои позиции в Тихом океане. Но теперь Япония, поощренная безнаказанностью в прошлом, ни с кем и ни с чем не считается. За короткое время она перенесла военные действия из района Пекина в Шанхай, из Шанхая в Кантон. Она подвергла блокаде фактически все побережье Китая, игнорируя «сферы влияния» других великих держав и как бы бросая вызов Соед. Штатам, искони противопоставлявшим политике сфер влияния политику «открытых дверей» в Китае.

сообщая об этих фактах, обвиняет руководителей Зернового Управления Наркомзема во вредительстве и троцкизме. Отбросим это нелепое обвинение. Пусть не было ни политических целей, ни просто злого умысла. Но если Центральное Зерновое Управление годами, хотя бы только по невежеству или легкомыслию, вместо внедрения сортовых посевов, уничтожало хорошие сорта и засоряло семенные фонды целых районов, то позволителен вопрос: благо или вред от такого руководства?

Мы — самые горячие сторонники планового хозяйства, но если создается система, при которой планом руководят невежественные или преступные люди, а его осуществляют бюрократы, оторванные от живой жизни, то такой план надо немедленно и решительно отбросить, а всю систему радикально перестроить.

Хороший план надо уметь подготовить, для хорошего плана нужны очень серьезные предпосылки и сверху и снизу.

Если в обязательном порядке могут предписываться мероприятия пагубные для хозяйства, то централизованный план для всего государства в тысячи раз хуже, чем ошибки и недомыслие отдельного крестьянина на своем маленьком участке земли.

Такие планы, такие распоряжения — преступление! Но в нем повинны не столько чиновники из Зерноуправления, сколько Сталин и его ставленники — Яковлев и Чернов, руководящие из ЦК ВКП и Наркомзема сельским хозяйством СССР.

Такие «просчеты» оказались возможны на двенадцатом году советской власти! Следует ли удивляться, что мы с большой тревогой относимся к проекту введения обязательных севооборотов. Здесь ошибки могут быть роковыми. Введение правильного чередования культур — нужное и важное дело. Правильный

севооборот предполагает решение двух задач: удовлетворение потребностей страны в соответствующих культурах и такое чередование культур, при котором обеспечивалось и усиливалось бы плодородие почвы.

Но, если севообороты будут введены нерациональные, то они в несколько лет могут надолго погубить все сельское хозяйство, несмотря на тракторы, коллективизацию и энтузиазм стахановцев.

Казалось бы, при современном состоянии агрономии, Аграрная Академия и Наркомзем СССР могли бы предложить колхозам и колхозникам какие-то проверенные и бесспорные нормы.

На практике — прямо противоположное. В журнале: «Соц. Рек. Сель. Хозяйства» опубликованы отчеты дискуссии, которая бушует в канцеляриях Наркомзема и кабинетах Аграрной Академии. Здесь, вне всякого общественного контроля, ведут борьбу ряд течений. При этом все ученые специалисты, руководившие до сих пор в СССР теорией и практикой агрономии, все учителя и профессора созданных за последние годы агрономических кадров, сейчас обвиняются во вредительстве и невежестве. Во главе оппозиции господствовавшим до сих пор теориям стоит академик Вильямс, правоверный сторонник Сталина.

Он требует введения обязательной травопольной системы, и все агрономические мероприятия фанатически сводит к созданию «структурной почвы», путем введения трав, как предшественников зерновым культурам. Он обвиняет своих противников, до сих пор определявших практику Наркомзема, в «минеральной агрохимии». Он напоминает положение Либиха: «нет более прямого пути к абсолютному обнищанию народа, как непрерывность культуры однолетних растений». Он утверждает, что инструкции, которые до сих пор давали органы Наркомзема, «преступно расширяли по-

Инцидент с ранением английского посла в Китае Хьюджессена японскими летчиками показывает, с какой уверенностью в безнаказанности действует японская военщина, спекулируя на нежелании Англии и Соед. Штатов до ликвидации европейского очага военной опасности и до завершения программы морских вооружений активно вмешиваться в японо-китайский конфликт. При таких условиях понятно и сдержанное отношение Советского Союза, сохраняющего спокойствие, несмотря на учащение японских провокаций. Концентрация советских войск и военного снаряжения на Дальнем Востоке является необходимой мерой предосторожности — на случай неожиданной диверсии японских армий через Внешнюю Монголию в сторону Сибири. Заключение советско-китайского пакта о взаимном ненападении приобретает в данной обстановке немалое политическое значение, в частности, как внешнеполитическое дополнение к прекращению жестокой междоусобицы, ослаблявшей Китай. Как известно, так наз. «Красные армии» в интересах обороны Китая от вторжения японских войск прекратили внутреннюю войну и влились в ряды китайской национальной армии, подчиненной Чан-Кай-Шеку.

Кровопролитная война, опустошающая Китай, пока «локализована» в том смысле, что Китай, подвергшийся японскому нападению, не может рассчитывать ни на чью помощь. Правда, в меморандуме, обращенном к Лиге Наций, как и в выступлении его представителя на сентябрьской сессии Лиги Наций, китайское правительство вполне правильно указало на то, что новый акт японской агрессии, на этот раз распространяющейся на весь Китай, ставит в порядок дня применение статей 10-ой, 11-ой и 17-ой Женевского пакта; но едва ли оно ожидает от Лиги Наций реальной поддержки в духе этих

статей и всего Женевского пакта. Китай фактически предоставлен самому себе.

Едва ли японская военщина не смотрит на свою «акцию» в Китае, как на превентивную завоевательную войну, т. е. как на войну, которую лучше было развязать сейчас, до того, как Китай в государственном, хозяйственном и военном отношениях подготовится к отпору. И в самом деле — уже сейчас Япония наткнулась в Китае на серьезное сопротивление, — более серьезное, чем она, повидимому, ожидала. Китай, несмотря на внутреннюю смуту, несомненно использовал годы «передышки», чтобы подготовиться к отпору. Но столь же несомненно, что это сопротивление китайского народа лишь в том случае сможет дать положительные результаты, если великие державы, гарантировавшие в Вашингтоне территориальную неприкосновенность Китая, если Лига Наций, если все державы, заинтересованные в сохранении мира на Дальнем Востоке, решатся солидарно выступить в защиту погрязших норм международного права и приведут в действие не отмененные пакты и договоры. Надежды на это мало. Но слабый проблеск надежды можно видеть в том повороте во внешней политике демократических стран, который вызван итапо-германским пиратством в Средиземном море.

Если Япония спекулирует на «занятости» Англии, Франции и Советского Союза в Европе, то итапо-германский блок явно спекулирует на событиях в Китае, отвлекающих указанные страны от чисто европейских проблем к тихоокеанским. В действиях трех стран-агрессоров видны элементы известной «плановости». Но

севы зерновых за счет других культур». Он приводит многочисленные примеры того, как в результате инструкций, зерновые сеялись по зерну 5-7 раз подряд, совершенно истощая почву и лишая ее всякой структурности. Принимая во внимание сделанные запасы, он считает возможным и нужным на ближайшие годы сократить посевы зерновых. Он довольно недвусмысленно обвиняет своих противников во вредительстве, заявляя: «Нельзя шутить с огнем. Нужно осознать, по какой стороне барикад вы стоите».

«Его противники очень многочисленны. Здесь и крупнейшие профессора и особенно много агрономов с мест. Но, обвиненные во вредительстве, они связаны в своей аргументации, они скорее защищаются, чем нападают, они скорее умоляют не делать рокового шага, чем доказывают свою позицию. Лишь такие крупные люди, как профессор Д. Прянишников, Н. Вавилов, Н. Соколов осмелились на решительную критику Вильямса. Они утверждают, что гипертрофия зерновых, а тем более, посевы зерна по зерну никогда не рекомендовались органами Наркомзема, а «явились результатом того, что планы хлебозаготовок всегда превышали планы севооборотов». «Срывы планов севооборотов в прошлом объясняются не вредительством агрономов, а постоянным, резким несоответствием между посевными заданиями, даваемыми органами правительства и тем, что должно было быть по севообороту». «За выпашанность несут ответственность те, кто определял заготовительные планы, а не авторы инструкций по севообороту».

«Не отрицая целесообразности введения травопольной системы, они предостерегают от того, чтобы делать из новой системы фетиш и универсальное средство».

«По Вильямсу разрушением структуры почвы объяс-

няется гибель чуть ли не всех прошлых мировых культур». Вильямс утверждает: выбора нет. Союз Советов или паровая система земледелия». Так иронически характеризуют фанатизм Вильямса его оппоненты. Профессора Прянишников, Соколов и др. доказывают, что для поднятия урожайности и сохранения плодородия почвы необходим комплекс мер: увеличение удобрений, лучшая обработка почвы, уничтожение засоренности полей, сортовые семена, во многих районах искусственные поливы и обязательно правильное чередование культур. Введение же травопольной системы без предварительных подготовительных мер и без наличия в достаточном количестве в стране доброкачественных семян трав поведет, по их мнению, лишь к еще большему засорению полей.

Сейчас побеждает Вильямс и его сторонники. За ним авторитет старого большевика, личное знакомство с Лениным. Его противники помельче — обвинены во вредительстве, а крупные авторитеты, с которыми приходится еще считаться, «в приверженности к старым нормам и пределам».

Проект ЦК ВКП разработан на принципах академика Вильямса.

Мы не считаем себя достаточно сведущими, чтобы решать этот специальный спор. Но для нас ясно одно: если весь громадный опыт Европы и Америки, если современный уровень агрономии не дают точных проверенных оснований для установления рациональной системы севооборота, то нельзя вводить в СССР никакого обязательного севооборота.

Нельзя превращать пашню целой громадной страны, пашню, которая должна кормить все население и скот, — в опытную лабораторию!

бросается в глаза и неслучайное сходство методов агрессии, свидетельствующее об обмене опытом и о прямом заимствовании: игнорирование международных договоров и обязательств, дымовая завеса «идеологических» прикрытий, ведение войны без объявления войны и, следовательно, несоблюдение законов войны, раздувание внутренней смуты в стране, намеченной как объект экспансии, и вооруженная интервенция, эту экспансию подготовляющая и завершающая и т. п. «Защитники европейской цивилизации» оказываются на деле копировальщиками азиатского варварства и вероломства, воплощенных в «военной доктрине» японской военищины.

«Японизация» итало-германских методов интервенции в Испании нашла свое наиболее яркое выражение в пиратстве, пыльным цветом распустившемся в Средиземном море — колыбели европейской цивилизации. Трагикомедия политики невмешательства, превратившейся в прикрытие для итало-германской интервенции, показала итало-германскому блоку, что ожидать решительного отпора, особенно со стороны консервативного правительства Англии, раз'едаемого социально-охранительной рефлексией даже в ущерб национальным и общеимперским интересам страны, не приходится. После взятия Сантандера интервенционисты, окрыленные надеждой на скорый успех их ставленника, ген. Франко, перестали даже приличия ради соблюдать фикцию невмешательства. В известном обмене телеграммами между Муссолини и ген. Франко дуче открыто торжествовал сантандерскую победу, как победу итальянского оружия. С меньшей откровенностью Гитлер на парадном конгрессе национал-социалистической партии в Нюрнберге возвестил о том, что Третий Рейх не мо-

жет сохранять «нейтральность» в испанском конфликте.

Но это не все. Чтобы ускорить победу Франко и закрепить свою гегемонию в Средиземном море, долженствующем с основанием новой «Римской Империи» превратиться для Италии в «наше море», Муссолини, при поддержке Гитлера, начал подводную войну в Средиземном море — от Гибралтара до Дарданелл — опять-таки по японскому рецепту, т. е. без объявления войны. Субмарины «неизвестной национальности» стали топить — без предупреждения и не заботясь о судьбе команды — не только испанские правительственные суда, но и торговые суда всех национальностей, особенно советские. Интервенция в Испании превратилась в пиратство на великом морском пути, связывающем запад с Ближним и Дальним Востоком, Англию с Индией и Францию с ее африканскими колониями. Тем самым над Европой непосредственно нависла угроза войны на азиатский манер — без объявления войны и без соблюдения ее законов.

Медлить стало невозможным. Капитулировать в этом вопросе Англия уже не могла. Этим моментом воспользовалось французское правительство Народного Фронта, давно тяготившееся английской политикой капитуляции, угрожающей жизненным интересам Франции, чтобы заставить Англию действовать. Выдвинутая Францией идея созыва средиземно-морской конференции для организации борьбы с пиратством была поддержана Англией. Но, разумеется, консервативное правительство Англии изменило бы себе, если бы и тут не постаралось ценой недопустимых уступок обеспечить участие в этой конференции... самих пиратов.

Италия и Германия, приглашенные на конференцию, сделали все, чтобы ее сорвать, добиваясь передачи во-

А если вдруг Вильямс окажется маньяком предвзятый, но ошибочной теории, а если вдруг окажутся правы не Вильямс, а Прянишников и его сторонники?

Конечно, тогда будут найдены и очередные вредители и всегда готовые к услугам агенты враждебных держав, повинные в создании губительных планов.

Но будет ли от этого легче 170 миллионам населения, над которыми проделывали очередной опыт?

Бедствие от введения обязательных недостаточно продуманных и, быть может, вредных севооборотов могут быть ужасны. Вся система хозяйства будет дезорганизована, все поля засорены, способность к плодородию снижена на многие годы.

«Большевикам все посильно!» Беда, что такое важное мероприятие, как введение обязательной системы земледелия решается под этим лозунгом и в атмосфере запугивания оппонентов!

Можно привести десятки примеров того, как бюрократическое насаждение планов сверху было губительно и в индустрии и в транспорте и в торговле. Но особенно оно опасно в сельском хозяйстве, где, несмотря на колхозные формы, громадную роль играют местные условия, личный труд и взаимодействие между техникой и природой.

До введения обязательных норм для всей страны надо их многократно и тщательно проверить на местных опытных участках. Живой местный опыт, тысячу раз проверенный и продуманный, лучшая гарантия, чем теории фанатиков или всеобъемлющие планы.

Сейчас коллективизация и механизация создали в СССР благоприятные предпосылки для быстрого развития сельского хозяйства. Но оно возможно только в том случае, если не Наркомзем или МТС будут безконтрольно хозяйничать в колхозах, а самое колхозное крестьянство.

Советская власть уже признала, что председатели колхоза должны выбирать и снимать сами колхозники. К сожалению, и это еще далеко не стало действительностью!

Но необходимо, чтобы крестьянство заставило советскую власть понять и признать, что нормально колхозы смогут и развиваться и производить только тогда, когда и в решении общегосударственных вопросов, тем более связанных с крестьянством и его хозяйством, будут принимать участие не только профессора и чиновники, но раньше всего сам труженик, многомиллионное крестьянство.

Планирующие органы должны давать лишь общие директивы, ученые люди должны быть лишь экспертами. Жизненны же будут только те планы, которые выработаны не в канцеляриях, а проверены самими трудящимися и проконтролированы самой широкой общественностью.

На ближайших выборах в центральные государственные органы, крестьянство должно своим голосованием ответить: желает ли оно, чтобы и впредь ему предписывали к исполнению такие преступные инструкции, как инструкция об уничтожении лучших сортовых семян или, чтобы за его спиной, без всякого его участия, выработывались обязательные севообороты и ставилось под риск основное достояние страны.

Сейчас СССР стоит перед основной хозяйственной задачей: надо обеспечить устойчивость урожаев, надо уменьшить колебания размеров урожаев, надо, наконец, поднять урожайность с гектара.

Но все это возможно лишь тогда, когда крестьянство станет хозяином у себя в колхозе и получит соответствующий удельный вес при решении общегосударственных вопросов.

Губительный «просчет» с введением сортовых семян

проса о борьбе с пиратством в Лондонский комитет о невмешательстве для похорон по первому разряду. Советская нота протеста, обращенная к Италии в связи с потоплением двух советских торговых пароходов, «Тимирязева» и «Благоева», была использована Муссолини и Гитлером для попытки срыва средиземноморской конференции. Попытка эта однако успеха не имела. По существу, нота советского правительства вызывалась обстоятельствами и шла по линии намечавшейся борьбы с пиратством, — если даже и признать изолированное обращение с нотой к Италии даже без предварительного осведомления инициаторов средиземноморской конференции, Франции и Англии, дипломатическим «заскоком», продиктованным внутривнутренними мотивами.

Средиземноморская конференция в Нионе, под Женевой, состоялась — без участия Италии и Германии. В отсутствие саботажников она закончила свои работы молниеносно — в двухдневный срок. Она приняла практические решения о борьбе с пиратством в Средиземном море — и эти решения немедленно вступили в силу.

Нионское соглашение несомненно является шагом вперед в духе принципов коллективной безопасности. Оно не лишено однако недочетов, притом весьма существенных. Как на это указал Негрин в Женеве, оно не ограждает законных интересов республиканской Испании, которая не была даже приглашена на конференцию, чтобы только облегчить несостоявшееся участие в ней Италии и Германии. Торговые суда испанской республики остаются по букве нионского соглашения незащищенными от нападения подводных

лодок «националистов». Подводные лодки, оказавшиеся «неизвестным путем» в распоряжении мятежников, сохраняют известную свободу пиратской деятельности. Первоначальное предположение о запрещении пребывания подводных лодок в известных зонах, по пути следования торговых судов, было в угоду Италии заменено решением о преследовании подводных лодок, застигнутых на месте преступления или при подозрительных обстоятельствах после совершившегося нападения. Отчасти по указанным соображениям советское правительство лишь с оговорками присоединилось к нионскому соглашению, после того как Литвинов добился включения в текст соглашения оговорки о непризнании за сражающимися в Испании прав воюющих сторон.

Но за всем тем начало борьбе с пиратством, в которое почти автоматически перешла итало-германская интервенция, положено. Намечался переход от слов к делу. Вокруг Англии и Франции, на которые легла по соглашению в Нионе тяжесть охраны основных водных путей от Гибралтара до Дарданелл, объединились все средиземноморские державы за исключением Италии. Советскому Союзу — совместно с другими черноморскими державами — поручен контроль в Черном море. Италия, претендовавшая на гегемонию в «латинском море», вынуждена будет или мириться с международным контролем, осуществляемым Англией и Францией, или включиться в нионское соглашение, или вступить на путь открытого морского конфликта с двумя могущественными морскими державами. Итальянская попытка превратить Средиземное море во внутреннее море потерпела фиаско.

и «междуусобица» между академиками и профессорами по вопросу о севоборотах показывают, что система планирования должна быть радикально изменена.

Общегосударственные и хозяйственные планы конечно необходимы, но они только тогда могут быть плодотворны, если они будут творческим синтезом теории и практики, если они будут подытоживать опыт тысяч тружеников, если проекты будут без заподозривания во вредительстве широко обсуждаться, если осуществление планов будет поставлено под постоянный и свободный контроль широких слоев населения.

С. ШВАРЦ.

Безрадостная годовщина

Вторая годовщина стахановского движения прошла тускло. Передовицы центральных газет тщетно пытались настроиться на торжественный лад. «Два года прошло с тех пор, как от искры, выбитой отбойным молотком Алексея Стаханова, загорелось пламя чудесной красоты и силы», подбадривал себя явно растерянный «Труд» (от 30-го августа); «эти два года стахановское движение росло, ширилось, крепло, ... принося в с е н о в ы е и н о в ы е п о б е д ы нашей родине». Но уже никто не верит этой аллилуйшине. А многие провинциальные газеты — и особенно в районах, где хорошо знают, каковы действительные «победы» стахановского движения, — просто замолчали печальный «юбилей»: в «Ворошиловградской Правде» от 30-го августа «ни одной заметки о стахановцах, ни одного портрета, не говоря уже о сколько-нибудь серьезной статье»; в «Макеевском Рабочем» — «ни слова об этой годовщи-

не»; то же в «Кочегарке» (Горловка), в «Кировце» (завод им. Кирова в Макеевке) и др. «Подозрительное молчание», угрожающе замечает угрюмый охранник из «Правды» (от 1-го сентября); и перепуганные на смерть редакторы торопятся, конечно, сейчас же наверстать упущенное, раздувают «пламя чудесной красоты и силы», проявляют «подлинный энтузиазм» и — с тревогой ждут рокового ночного звонка.

На предстоящих в ближайшее время выборах, трудящиеся СССР должны своим голосованием показать, что подобные методы управления и планирования они решительно отвергают.

Печальные итоги стахановского движения с полной очевидностью выяснились еще весной текущего года. Изумленные читатели советских газет вдруг узнали, что даже знаменитая шахта Центральная-Ирмино, «откуда в 1935 году прогремел на весь мир удар отбойного молотка Алексея Стаханова», «плана не выполняет» («Правда» от 10-го апреля), что «крупнейшие шахты, «гремевшие» на весь Донбасс, сейчас работают очень неровно и все чаще и чаще плетутся в хвосте» («За

Но нионское соглашение только н а ч а л о. Оно сведется, подобно лондонскому соглашению о контроле, к нулю, если твердость, проявленная на этот раз Англией, снова сменится капитулянтством перед нарушителями мира. Оно повиснет в воздухе, если за ним не последует пересмотра всей политики невмешательства и если Женевский пакт, к которому на сентябрьской сессии Лиги Наций апеллировала республиканская Испания, не будет приведен в действие. Оно не достигнет цели, если республиканское правительство Испании не получит возможности осуществлять свое законное право на приобретение военного снаряжения за границей *). Ибо отрезанная от внешнего мира республиканская Испания едва ли сможет выйти победительницей в неравной борьбе с Франко, Муссолини и Гитлером — и тогда итало-германский блок все равно добьется своих целей: превращения Испании в плацдарм для подготовки войны против Франции и Англии, создания угрозы решающим водным путям этих стран и установления своей гегемонии в Средиземном море.

Ключ положения попрежнему в политике Англии. Но

*) На сентябрьской сессии Лиги Наций глава республиканского правительства Негрин отчетливо сформулировал требования подлинно реалистической политики в испанском вопросе: 1) Лига должна признать, что Испания стала жертвой нападения со стороны Германии и Италии; 2) необходимо положить этому конец в самом срочном порядке; 3) испанскому правительству должно быть предоставлено право свободно закупать оружие; 4) сражающиеся в Испании иностранцы должны быть отозваны; 5) меры, принятые на нионской конференции, должны быть распространены и на испанские суды.

консервативное правительство Англии едва ли способно окончательно порвать с обанкротившейся политикой колебаний и капитуляций. Вот почему приходится уточнить: ключ положения во внутреннем сдвиге в Англии.

С этой точки зрения крупное международное значение имеет декларация о международном положении и о защите страны, принятая недавно ответственными центральными организациями английского пролетариата. В декларации, прямо называющей Италию, Германию и Японию виновниками военной опасности в Европе и во всем мире, подчеркивается, что правильная внешняя политика Англии должна преследовать двоякую цель: с одной стороны, необходимо предложить всем недовольным государствам формулировать свои претензии и желания, чтобы при помощи Лиги Наций создать новую систему, основанную на коллективной безопасности и на удовлетворении справедливых экономических требований всех стран, а с другой, — необходимо через посредство все той же возрожденной Лиги Наций противопоставить агрессорам вооруженную силу, способную своим сокрушительным превосходством отбить у них всякую охоту к авантюрам. Только на путях этой двудеиной внешней политики возможно, по мнению Рабочей Партии, избежать новой войны. Последовательное проведение такой политики возможно однако лишь при смене консервативного правительства рабочим. Но и при всем своем недоверии к политике консервативного правительства Рабочая Партия считает в данных условиях неизбежным вооружение Англии, как необходимое условие для выполнения ею роли «защитницы мира».

Этот поворот в политике английской Рабочей Партии и английских трэд-юнионов имеет огромное значе-

Индустриализацию» от 9-го марта), что даже прославленные кузнецы Горьковского автозавода Бусыгин и Фаустов в среднем за 1936 год не выработали нормы («За Индустриализацию» от 8-го апреля), что нередко даже «те рабочие, которым в прошлом году было присвоено почетное звание мастеров социалистического труда, не выполняют планов» («Большевик» от 15-го августа).

Оказалось уже невозможным далее скрывать, что отмечавшийся во многих предприятиях, особенно в первые месяцы стахановского движения, резкий рост производства, обусловлен был нередко применением хищнических методов работы: «Из-за отсутствия порядка в шахтах нечестные люди могли вести хищническую эксплуатацию, разрабатывать те участки и пласты, которые в данный момент могли дать наибольший эффект» («За Индустриализацию» от 15-го марта, передовая). В Донбассе и Кузбассе, «прикрываясь лозунгом «больше угля», останавливали подготовительные работы; после лже-стахановских пятдневок и декад не оказывалось подготовленных забоев» («Правда» от 10-го апреля). В других отраслях промышленности в погоне за немедленными успехами запускали ремонтные работы, в нефтяной промышленности стахановщина сопровождалась громадным отставанием буровых работ. Бывало и еще хуже: в мартеновских цехах завода «Серп и Молот» в Москве, «стремясь удержать за собой высокое звание первоклассного сталевара, некоторые стахановцы давали рекордные с'емы, допуская пережоги сводов печей» («За Индустриализацию» от 10-го марта).

Временный и призрачный характер стахановского подъема промышленности особенно наглядно обнаружился в условиях вызванной «вредительскими» процессами дезорганизации хозяйства. Стахановщина была задумана, как своеобразная, примитивная форма рационализации производства. Я не раз имел случай выяснять на страницах «Социалистического Вестника» курдливый

характер этой рационализации, исходившей не от организации предприятия в целом, как этого требует всякая действительная рационализация, а от отдельного рабочего места и стремившейся создать для отдельных стахановцев — хотя бы и за счет остальных рабочих — исключительно благоприятные условия работы, чтобы затем стахановским рекордом подстегивать всю массу рабочих, заставляя ее усиленным напряжением трудовой энергии перекрывать все недостатки организации производства. Руководители советской промышленности и особенно директора предприятий и сами, конечно, понимали, что на такой «рационализации» далеко не уедешь, и рассчитывали, повидимому, создать с помощью стахановского движения благоприятную психологическую обстановку для постепенного общего улучшения организации производства. «Вредительские» процессы нанесли этим надеждам страшный удар. Всякая серьезная реорганизация производства предполагает у руководителей предприятий готовность к инициативе, способность принимать ответственные решения, решимость нести при определенных условиях риск. Все эти качества развиваются постепенно, по приказу их создать нельзя. Но разве можно ожидать развития этих качеств у руководителей советских промышленных предприятий в обстановке, создавшейся после «вредительских» процессов?

«После разоблачения орудовавших в Донбассе вредителей хозяйственные, партийные, профессиональные организации... проявили недопустимую растерянность. Недопустимо расшаталась производственная дисциплина. Нарушение дисциплины отсталыми элементами не встречает должного противодействия хозяйственных руководителей. Нередки случаи огульного обвинения инженеров и техников вместо того, чтобы выяснить и устранить действительные причины, тормозящие добычу угля» («Большевик» от 15-го августа).

Боязнь такого рода «огульных обвинений» сказывается на каждом шагу. В другой статье в том же номере «Большевика» мы читаем, что «директора металлургических заводов, начальники доменных и сталелитейных цехов предпочитают вести металлургический процесс на пониженных технических показателях: так спокойнее, меньше риска». На «Красном Треугольнике» в Ленинграде «немаловажную роль в плохой работе завода сыграли нездоровые настроения значительной части командного состава. Растерянность превратилась в опасную затяжную болезнь» («За Индустриализацию», от 15-го августа). Да и как не быть «растерянности», если всякая неудача создает угрозу обвинения во «вредительстве», «предательстве» и пр.? Ведь вот же выжигают целый год каленым железом «вредительские гнезда», но «аварии» и «неполадки» не прекращаются, а часто число их даже возрастает. И уже одного этого факта оказывается достаточно, чтобы по современной охранно-полицейской логике сделать вывод: «нет никакого сомнения, что эти аварии не только результат безрукости и беспечности некоторых хозяйственников, но и следствие подрывной работы еще не разоблаченных вредителей и диверсантов» («Большевик» от 15-го августа). Или другой пример: новые нефтяные районы осваиваются очень медленно; и что же? «Становится ясным, что возмутительно медленное освоение новых месторождений — прямой результат «работы» еще не разоблаченных вредителей» («За Индустриализацию» от 14-го августа, передовая). В этом основа сталинского «учения» о бдительности: прежде всего ищи всюду «врагов» и иностранных агентов.

Не приходится удивляться, что в этой обстановке внутренняя организация производства в огромном числе, может быть, в большинстве промышленных пред-

ние. Особенно существенно подчеркивание двуединого характера внешней политики — необходимости, наряду с мерами защиты страны, выдвигать положительную программу, способную внести успокоение в Европе и во всем мире удовлетворением справедливых претензий недовольных стран. Надо только иметь в виду, что дело идет не только об экономических, но и о политических претензиях. Ст. 19 пакта Лиги Наций предусматривает возможность мирного пересмотра всех устаревших или несправедливых договоров.

В сущности, по этой же линии идет эволюция внешнеполитической мысли и французских социалистов. В «Попюлере» появились, обратившие на себя внимание, статьи о необходимости в настоящих условиях как то наладить мирное сосуществование демократических государств с диктаторскими. Но поставить и разрешить эту проблему в рамках системы коллективной безопасности может только самое тесное сотрудничество всех заинтересованных в сохранении мира, и в первую голову демократических стран в рамках возрожденной и расширенной Лиги Наций. Только такое, сотрудничество может поставить страны, угрожающие всеобщему миру, в необходимость включиться в общую систему коллективной безопасности и подконтрольного разоружения и искать удовлетворения своих претензий поскольку они будут признаны справедливыми, не на путях войны, а на мирных путях и в рамках международной организации. Всякий иной путь ведет к дальнейшему развязыванию международной анархии, упирающейся в новую мировую войну.

триятий не только не улучшается, но, напротив, за последний год нередко даже значительно ухудшилась. И результаты этого сказываются очень болезненно на производственных итогах. Приведу два-три примера, взятых почти наугад из последних номеров газет: На Карабашском медноплавильном заводе, где в начале года особенно энергично выкорчевывали «вредителей» и «шпионов», «черная линия выплавки меди в 1937 году (на диаграмме, украшающей кабинет директора завода) в апреле пошла книзу, пересекла зеленую линию 1936 года и в июне скрестилась уже с желтой линией 1935 года, направляясь еще ниже» («За Индустриализацию» от 2-го сентября). На Орджоникидзевском металлургическом заводе в третьей декаде августа была проведена стахановская десятидневка; увы, «в стахановскую декаду выплавка чугуна снизилась» даже по сравнению с первыми двумя декадами августа, когда план тоже был выполнен лишь на 90,4%. То же со сталью: «в стахановскую декаду командиры завода позорно провалились» («За Индустриализацию» от 4-го сентября). Одновременно «Правда» (от 5-го сентября) жалуется, что на автозаводе им. Сталина в Москве «не стало почему-то прежнего порядка, организация производства ухудшилась», что Горьковский автозавод, Ярославский резиново-азбестовый комбинат, Ленинградский «Красный Треугольник» не выходят из тяжелых затруднений. Может быть, это особенно резкие примеры, но таких примеров множество. И по целому ряду отраслей промышленности — уголь, нефть, электроэнергия, металлургия и многие другие — итоговые данные за первые восемь месяцев года в целом оказываются неблагоприятными.

Останавливаться на всех этих отраслях промышленности не позволяют ни рамки, ни тема этой статьи. Остановлюсь — в виде примера — лишь на угольной промышленности Донбасса, явившейся колыбелью стахановского движения и в течение всех этих двух лет непрерывно привлекающей к себе усиленное внимание руководителей советской политики. Средняя дневная добыча угля в Донбассе изменялась с начала стахановского движения следующим образом (в тысячах тонн):

	1935	1936	1937
январь	.	222,6	215,3
февраль	.	220,2	210,3
март	.	210,0	199,6
апрель	.	208,2	197,9
май	.	201,3	200,5
июнь	.	196,6	207,7
июль	.	189,6	199,0
август	177,1	197,7	203,0*)
сентябрь	178,2	200,6	.
октябрь	195,7	210,7	.
ноябрь	207,3	218,3	.
декабрь	230,5	221,2	.

Октябрь 1935 г. был первым месяцем, в котором угледобыча, под несомненным влиянием стахановского движения, начала быстро расти. Поднявшись рывком в декабре 1935 г. до 230,5 т. т., кривая добычи угля уже в январе 1936 г. начала сползать и опустилась в июле ниже уровня октября 1935 г. Затем опять начался подъем, но гораздо менее значительный, чем в конце 1935 года, а с января 1937 г. новый срыв, и в последние месяцы кривая суточной добычи угля в Донбассе колеблется на уровне 200 тысяч тонн, т. е. лишь немногим выше октября 1935 г. А между тем техническая

оснащенность угольной промышленности Донбасса и энерговооруженность рабочих значительно возрасли и за это время введены в эксплуатацию ряд новых богатых углем шахт. Такие итоги двухлетнего развития нельзя не признать крайне «неблагополучными».

Плохая — и в результате анти-«вредительской» кампании ухудшившаяся — организация производства парализует в значительной мере усилия и самых лучших рабочих-производственников и приводит к тому, что число рабочих, не выполняющих нормы выработки, вновь стало очень значительно. В этом году повторилась уже знакомая нам с прошлого года картина: когда весною пересматривались — т. е. повышались — нормы выработки, постоянно подчеркивалось, что введение новых норм будет сопровождаться улучшением организации производства, которое обеспечит для всей массы рабочих возможность выполнения и перевыполнения новых норм. «Однако многие хозяйственники ограничились первой, наиболее легкой частью задачи — пересмотром норм, а о второй забыли» («За Индустриализацию» от 4-го июля, передовая). И результаты этого — тем более при значительном увеличении на многих предприятиях числа «неполадок» — не замедлили сказаться: во многих предприятиях нормы выработки оказались для значительной части рабочих непосильными. Так, на Ленинградском машиностроительном заводе им. Карла Маркса в июне 17% рабочих не выполняли норм, на Климовском заводе ткацкого машиностроения 25%, на Пресненском заводе 18% («Труд» от 17-го августа); на заводе «Электросталь» «большинство рабочих едва справляется с нормами, а 128 рабочих из 386 работающих в цехе сдельщиков вовсе не выполняют их; из 72 рабочих, обслуживающих 7 печей в первом сталелитейном цехе в июле не выполнили норм 43» («За Индустриализацию» от 1-го сентября). В легкой промышленности положение нередко еще хуже: здесь по целым отраслям промышленности % невыполняющих нормы оказывается нередко очень высоким. Так, о шерстяной промышленности недавно сообщалось, что «к концу первого полугодия новые нормы выработки по прядению в камвольной промышленности выполняются только 56,8% работающих, в суконной 49%; по ткачеству нормы выполняют лишь 45-50% работающих» («Труд» от 27-го августа).

Инициаторы стахановского движения надеялись произвести почти революцию в развитии производительности труда в Советском Союзе. От этих надежд остались одни воспоминания. Стахановское движение свелось к орудю возвышения отдельных способных и энергичных рабочих; о массовом подъеме в результате стахановского движения производительности, — а не только интенсивности — труда, а тем более о подъеме жизненного уровня широких рабочих масс не может быть и речи. И не случайно, конечно, как раз в последнее время советская печать особенно охотно сообщает о назначении лучших стахановцев на руководящие посты или о приеме их в Промакадемию. В первые месяцы стахановского движения я не раз отмечал на страницах «Социалистического Вестника», как в психике передовых стахановцев борются эгоистические и общественные элементы. «Личное или общественное?» — так стоял вопрос для многих передовиков производства. Сейчас руководители советской политики вопрос этот решили. «Личное» побеждает; стахановщина, как массовое движение, умирает.

*) После августовского напряжения — накануне стахановской годовщины — кривая добычи угля в Донбассе в первые дни сентября вновь опустилась ниже 200 тыс. тонн (по дням: 198,3 — 191,2 — 193,1 — 193,5 — 196,0).

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ**

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Деревня перед выборами

Близятся выборы в Верховный Совет. И хотя срок этих выборов все еще не определен, а применение «самой демократической в мире» конституции уже наталкивается на сопротивление партийного и советского аппарата, в этом сопротивлении верно отражающего нервозность самих руководителей власти, — отменить эти выборы нельзя. Слишком много крови пролилось за последний год, слишком много авторитетов повергнуто в грязь. И власть, и довольно широкие круги советского общества нуждаются в какой-то исторической вехе, в каком-то действительно всесоюзном событии, которое должно санкционировать все, что было.

Среди проблем, волнующих власть и страну, центральной попрежнему остается проблема взаимоотношений с крестьянством. Свыше трех лет прошло с тех пор, как наметился спад сопротивления крестьянства насильственной коллективизации и власть вместе с верхами общества политически верно расшифровала этот спад, как победу колхозного строя в деревне. Но для понимания всей последующей политики власти в деревне чрезвычайно важно помнить об обстоятельствах, обусловивших эту победу. Выход из острого кризиса в деревне найден был в 1933 году не на путях дальнейшего продвижения к «интегральному социализму», а на путях уступки собственническим интересам колхозного крестьянства.

Пусть возведенная колхозному крестьянству в 1933 году «зажиточность» реально выразилась только в одной корове и в приусадебном участке, величиной с коровий носочек, — политическое значение этой уступки было громадно. Чтобы несколько ослабить политический резонанс этой уступки, власть в последующие два года всячески уклонялась не только от определения границ этой пресловутой зажиточности, но и границ вмешательства государства в дела колхозов.

Аграрные политики, передовики и очеркисты широко комментировали и иллюстрировали в своих статьях официальный лозунг партии и правительства — «сделать всех колхозников зажиточными, и колхозы — большевистскими», но за этим официальным лозунгом на деле скрывалась другая директива — «действовать, смотря по обстоятельствам». Существо аграрной политики 1933-36 гг. было намеренно зыбким и ставка делалась, если не на экономическую самостоятельность крестьянства, то во всяком случае на развязывание инициативы низовых органов власти в сторону сочетания личных и общественных интересов колхозников с интересами государства.

Характеризуя аграрную политику второй пятилетки едва-ли надо особо подчеркивать, что по самой своей сути это была политика второй передышки. Сейчас, как и на излете нэпа, эта политика дошла до нового предела, экономика колхозной деревни и сложившиеся на ее базе общественные отношения требуют очень существенных коррективов. Это понимает и власть, и крестьянство. Чтобы определить направление этих, ставших уже неизбежными, изменений в аграрной политике, нужно ближе присмотреться к практике власти и современной деревне.

В большой статье, посвященной аграрной политике третьей пятилетки, С. Тагильян в «Большевике»

(от 15 июня) клянется, что существо этой будущей политики останется прежним, построенным на Сталинском лозунге второй пятилетки, т. е. «на сочетании личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов». Обратимся к фактам.

В статье, характеризующей «Хлебозаготовки 1937 года», председатель комитета заготовок при Совнарком СССР Клейнер, выделяет три основных черты хлебозаготовительной кампании нынешнего года: во-первых, в отличие от предыдущих лет хлебозаготовки происходят сейчас одновременно с развертыванием колхозной и индивидуально-крестьянской торговли хлебом; второй особенностью является отмена административных мер воздействия по отношению к колхозам, не выполняющим аккуратно обязательств по сдаче зерна государству. Специально изданный весной этого года закон 20-го марта устанавливает, что «за злостное невыполнение колхозом к установленному сроку обязательств по сдаче государству зерна» правления колхозов отвечают лишь в судебном порядке. Тот же порядок действует в основном и в случаях задолженности колхозов по отношению к МТС. Отныне и эти дела будут рассматриваться в народном суде. Третьим новшеством нынешнего сезона является снижение норм хлебопоставок, несмотря на прекрасный урожай.

Разрешение колхозникам торговать хлебом до выполнения хлебопоставок государству, как и снижение — «по предложению товарища Сталина» — хлебного налога, несомненно продиктованы желанием власти улучшить свои отношения с толщей колхозного крестьянства. Бесспорно, однако, и то, что обе эти меры родились не в результате слишком большого восхищения крестьянства советской властью.

Сложнее обстоит дело с отменой «административных взысканий». Политическое ударение поставлено здесь на недоверии центральной власти к своему низовому аппарату в деревне. Недаром Клейнер в своей статье говорит, что законом от 20-го марта Совнарком СССР и ЦК ВКП «устранили опасность извращения законов советской власти бюрократами, увлекающимися администраторами, а в отдельных местах и бухаринско-троцкистскими провокаторами, которые стремятся применить к колхозам неправильные штрафы и другие взыскания». Недоверие к своему низовому аппарату в деревне, желание даже дискредитировать работников низового аппарата отчетливо сказывается в целом ряде фактов. Власть очень озабочена сейчас организацией аппарата по заготовкам. Рекомендуются особая тщательность в подборе проверенных людей в этот аппарат, а «лучших заготовителей» рекомендуется «смело выдвигать на руководящую работу». Этих «преданных людей» надо однако искать не в среде работников местных земельных органов и, конечно, не в среде крестьянства, а среди «работников заготовительных пунктов, элеваторов», среди «рабочих мельниц, знающих хлебное дело».

Еще ярче иллюстрируют это недоверие центральной власти к местным работникам в деревне многочисленные корреспонденции, особенно, мутная волна вредительских процессов против работников земельных органов, катящаяся сейчас по стране (в северных областях Союза, в Грузии, на Украине, в Сибири и т. д.). Но для выяснения намерений власти недостаточно констатировать

факты, надо взглянуть в расположение общественных сил, взвешивать мотивы поступков.

Насильственная коллективизация вызвала в свое время активное сопротивление крестьянства, выразившееся сначала в восстаниях, поджогах, убийствах, потом — в актах саботажа. Крестьянский саботаж во многих местах продолжался и после объявления лозунга о «зажиточности». Об этом красноречиво говорили, хотя часто и в искаженной, уродливой форме, отчеты о «вредительских» процессах на Украине, в Сибири и др., печатавшиеся в 1935 году. Обвиняемыми по этим процессам были колхозники, которые наделялись, конечно, соответствующей биографией «кулаков» и «подкулачников». Частично саботаж практикуется и поныне.

В новейших процессах ответственность за вредительские действия возлагается уже не на колхозников, а на руководителей: оно не догладело, оно одно и отвечает. Больше еще: во время всех новейших процессов провинциальные Вышинские из кожи лезут вон, чтобы представить обвиняемых не только «зарвавшимися администраторами» и «Деджимордами», а «подлыми врагами народа», стремящимися «искусственно вызвать недовольство колхозников с целью развала колхозов и реставрации капитализма». В своем рвении обвинители не останавливаются перед риском ослабить престиж власти, подсовывая обвиняемым действия, в свое время продиктованные из центра. Всякий понимает, что ни одна власть, а тем паче диктаторская, на такой риск собственной дискредитации не пойдет без серьезных оснований. Какие же тайные цели преследует диктатура, выставляя к позорному столбу трижды проверенных работников своего земельного аппарата?

Перед нами обвинительный акт по делу «Сигнахской контр-революционной, террористической, диверсионно-вредительской организации правых», опубликованный в Тифлиссской «Заре Востока» от 26-го августа. Из 11 обвиняемых — десять члены компартии, исключенные из нее в 1937 году «в связи с арестом». Все они сознались в принадлежности к контр-революционной организации, преследовавшей цель свержения советской власти в Грузии. Все они — председатели колхозов, ответственные работники совхозов, МТС. Характерны не их признания, а обвинительный материал. Большинство из них кается в том, что в целях «подрыва экономической мощи трудящихся колхозников» искусственно снижали нормы оплаты по трудодням и увеличивали общественные фонды колхозов, отчисляли из этих общественных фондов «большие суммы на капитальное строительство колхозов», строили фермы, устраивали стойбища для скота, чем и вызывали «недовольство колхозников против советской власти». Обвинения такого рода встречаются и в других процессах и корреспонденциях с мест.

В свете этих обвинений понятно новейшее раз'яснение передовика «Правды» (от 8-го августа) о характере «массовой политической работы в деревне»: в прошлые годы было немало «агитаторов, замаскированных врагов, которые убеждали колхозников незаконно и вопреки уставу отдавать большую часть полученных доходов на строительство, в неделимые фонды и т. д.». Несомненно среди работников низового аппарата власти в деревне было и еще имеется много Держиморд, опьяненных властью, которые швыряются общественными деньгами, игнорируя интересы колхозной массы. Но также несомненно, что внутри колхозов выросли и другие, общественно - прогрессивные элементы. Почему же для борьбы с «перегибами» не в меру усердных администраторов понадобилась сейчас такая дискредитация общественных навыков, апел-

ляция к узко - собственническим инстинктам отсталой части колхозников?

Развитие последних лет показало власти, что в материально-крепнущей колхозной деревне подрастает поколение, если не борцов за социализм, то во всяком случае людей, проникнутых общественными настроениями, подрастают новые ходоки за крестьянское дело. Симпатиями к крестьянству легко заболели и люди, работающие в низовых звеньях аппарата, частично сами вышедшие из среды колхозного крестьянства. Именно эти люди в связи с предстоящими выборами и представляют реальную опасность для режима диктатуры. Их нужно убрать, обезвредить. Но убрать их трудно: они всюду и нигде. Вот почему нужно дискредитировать не только их, но и идеи, которыми они служили. Для этого власть не погнушалась мобилизовать чувства обиды и ненависти, в изобилии накопившиеся в душевных скринах крестьянства за годы насильственной коллективизации, она не гнушается спекулировать на узко-личных интересах отсталой части колхозников. В новых процессах важно отметить, что ответственных работников деревенского аппарата привлекают нередко не за разбазаривание средств колхозов, не за казнокрадство, которое несомненно широко практикуется в колхозах, а за крупницы хозяйственности и общественной самодеятельности колхозного крестьянства.

Широким жестом власть освобождается не только от проводников своей собственной вчерашней политики, изображая их Держимордами и зарвавшимися бюрократами, она втаптывает в грязь и ростки общественной самодеятельности в колхозах. Она сознательно валит в одну кучу своих горе-администраторов с общественно-прогрессивными элементами внутри колхозов, которые все эти годы вели глухую и упорную борьбу за укрепление хозяйственной мощи колхозов. Изо всех сил аграрные политики и казенные очеркисты пытаются убедить теперь колхозные массы в том, что «государство» и «наш отец» Сталин является единственной гарантией упрочения «порядка», обеспечивающего им материальный достаток.

Трехчленная формула аграрной политики второй пятилетки о сочетании личных и общественных

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

ных интересов колхозников и интересов государства постепенно линяет; одно из звеньев этой формулы — общественные интересы колхозников — все больше отступает на задний план. Сочетание интересов колхозного крестьянства и интересов государства все отчетливее формулируется, как сочетание личных интересов колхозников с государственными интересами. Всякий, кто решается заговорить о превращении колхозов в органы свободной крестьянской самостоятельности, немедленно вызывает против себя обвинение в фашистской агентуре и в стремлении — к восстановлению власти капиталистов и помещиков. И все это, кстати сказать, происходит как раз в то время, когда в ряде европейских стран в крестьянстве усиливаются демократические настроения и общественная активность и когда превращение советских колхозов в органы свободной крестьянской хозяйственной самостоятельности могло бы сыграть такую значительную роль в мобилизации европейского крестьянства против фашизма!

МАРК РУДОВСКИЙ.

Смена аппарата

Советская печать за последние 3-4 месяца непрестанно призывает выдвигать на руководящую работу новых людей. Призыв услышан. И теперь газеты полны сообщений о новых кадрах. Старые же, примелькавшиеся имена хозяйственников и советско-партийных руководителей, ставших ими во время первой пятилетки, все чаще встречаются в газетной хронике совсем в ином контексте, чем прежде. Одни — просто «освобождаются от обязанностей», другие, с добавлением — «в связи с переходом на другую работу», третьи, как Рудзук, Антипов, Каминский и др., бесследно исчезают. Их даже газетного петита не «удостоили».

И, наконец, более драматические сообщения все той же хроники: о самоубийствах. Вот уже третий по счету (Любченко) член партийного генералитета вынужден покончить с собой.

Жестокий шквал обрушился на деятелей компартии. Сколько им унесено за год жертв! Но если первые жертвы его — люди, вновь вызванные — на миг — из политического небытия, в которое они были насильственно ввергнуты, то последующие — это активные участники нового строительства, старательно проводившие «генеральную линию». Зиновьев и Каменев, Евдокимов и Бакаев — теоретики и практики «старой гвардии» — были удалены с политической сцены еще в 1927 г. В течение 9 лет, вплоть до августовского процесса, они — либо в тюрьме и ссылке, либо — на не-политических постах, в качестве рядовых совслужащих. Пятаков, Серебряков и Лифшиц, как и Радек с Сокольниковым, в отличие от первых, так основательно «вросли» в генеральную линию, что об их оппозиционном прошлом должны были остаться самые смутные воспоминания. Они, правда, выступали на «вторых ролях» — замнаркома! — но, все же, они принадлежали к верхушке советского аппарата.

В августе на скамье подсудимых сидели люди, которых от власти давно устранили или которые у власти вообще никогда не были. В январе скамью подсудимых занимали лица, деятельность которых протекала на руководящих хозяйственных и дипломатических постах. Последняя же политическая роль, которую и тем, и другим навязали и которую они согласились сыграть, была роль политических пугал. «Начали с оппозиции, а кончили фашизмом» — таково основное со-

держание обоих вариантов (августовский и январский) этого ужасного сценария.

Следующие жертвы — Рыков, Бухарин, Раковский, Сосновский, десятки других. Сталин как бы планомерно уничтожает деятелей старой гвардии. Уничтожает их физически и превращает их в страшилища.

Однако месяца через полтора после январского процесса шквал меняет свое направление. Сталин начинает громить именно тот аппарат, при помощи которого он победил в 1927 г. «новую оппозицию», а в 1929 г. — правых. Уже одно то, что первый удар обрушился на Постышева, свидетельствовало о широко задуманной «чистке». Постышев возглавил собой длинный список руководителей, неожиданно попавших в чистку. Многие из них стали выдвигаться в 1926-27 гг., когда отовсюду изгонялись оппозиционеры. Многие пришли в аппарат в 1929-30 гг., когда он освобождался от выветрившихся неповских ответработников. Настоящая же карьера их началась во время первой пятилетки.

Годы 1929-33, по лишениям и трудностям, можно сравнить с годами военного коммунизма. От всех участников строительства требовалась максимальная «идейная мобилизация». Личные интересы играли подчиненную роль. Но рост народного хозяйства сопровождался непомерным ростом бюрократического аппарата. Он окончательно сложился только в 1934 г., имея за собой трудное время пятилетки. Сохранились и уцелели те руководители, которые умели во время очиститься от всяких «недогибов» и «перегибов». Пройденный же ими опасный этап спаял их. Создались личные и дружеские связи, вызванные долгой совместной работой. Другими словами: внутри бюрократического аппарата происходила консолидация отдельных групп. Личные отношения, являющиеся вначале основой этой консолидации, приняли позже обобщенно-политический характер.

Пока шло строительство и проводилась коллективизация, аппарат был един в своем стремлении «преодолеть трудности». Послушное орудие в руках Сталина, — аппарат, не рассуждая, выполнял все его указания. Трехлетие-же 33-36 гг. породило в бюрократическом аппарате новое настроение. В нем стали обнаруживаться различные политические тенденции. Общая целеустремленность аппарата, созданная особыми условиями эпохи «социалистического строительства», исчезла вместе с этой эпохой.

Трехлетие 33-36 гг. тем и отличается от предыдущего периода, что в политике Сталина отсутствует «основное звено». Новые пути только намечались. На многих декретах того времени, которые издавались властью в потрясающем количестве, лежит печать противоречивости и незрелости. Социально-политическое законодательство занималось лишь лабораторно-опытной работой.

Конечно, теперь можно сказать, что в недрах кремлевской лаборатории готовилась «новая конституция». И поэтому многие декреты были только пробными. Но отсутствие основного звена создавало обстановку политической неопределенности. Это и привело к расцвету тех тенденций, семена которых уже раньше были заложены в бюрократическом аппарате.

Часть бюрократии, и, может быть, большая часть ее, понимая, что она является основой диктаторского режима, стремится отвоевать у него побольше привилегий. Разложение, о котором сейчас так усиленно вопят советские газеты, является только бытовой деталью. Освобожденная от контроля масс при самом своем рождении, бюрократия пытается освободиться и от тяжелой опеки своего «отца» Сталина. Знаменитое «кумов-

ство», неизменно сопутствующее бюрократическому аппарату со дня его возникновения, дает возможность бюрократии в какой-то мере ослабить контроль Сталина над ней. «Добрые, личные отношения», круговая порука — вот оружие, при помощи которого бюрократия защищает свои интересы как особого общественно-привилегированного слоя.

Но в этом же бюрократическом аппарате существовал еще тонкий слой людей, чья биография началась не со «сталинской эпохи», а значительно раньше. Остатки старой гвардии, участники Октября, пришедшие в партию в ее утопически-революционный период, — они связали свою судьбу со Сталиным, полагая, что он выведет Россию из нэповского тупика к «столбовой дорожке социализма». Этот малочисленный слой руководителей был силен своим морально-политическим авторитетом. Когда в результате социалистического строительства возникло социальное неравенство и стремление к мешанскому благополучию, т. е. стал воскрешаться нэповский быт, тогда наступил конец «социалистическим» иллюзиям, и у этой части аппаратчиков возникли оппозиционные настроения.

Так появились в этом бюрократическом аппарате две противоборствующие тенденции: одни стремятся использовать создавшуюся обстановку в своих корыстных интересах. В этом своем стремлении они немного «переборщили», попытавшись ослабить контроль Сталина над своими действиями. Другие погибли потому, что свой протест против нарастающего неравенства выражали в идейно-политической форме (оппозиция). Смешивая тех и других воедино, окрашивая и идейно-политических своих противников в грязные цвета «разложения», Сталин теперь основательно «очищает» аппарат. И чем ближе выборы, тем радикальнее и всеобъемлющее становится чистка. Аппарат, повидимому, должен предстать перед избирателем обновленным.

Но кто эти люди, пришедшие и приходящие в аппарат? Люди «без биографии», сознательная жизнь которых началась в по-революционную эпоху. «Сталинское племя» пришло управлять делами государства — торжествует советская печать по поводу новых подвигов. Если Юсим, Левин и Сметанин — «стахановцы», освоившие производство отдельного цеха или агрегата, по-своему одаренные люди, попали в аппарат по своим способностям, то все остальные, все эти новые, партийно-советские руководители попадают в него по своей преданности Сталину. Управлять делами государства — значит для них выполнять волю пославшего их в аппарат.

Собираясь ввести в действие новую «самую демократическую» конституцию, Сталин принимает одновременно чрезвычайные меры не только к сохранению, но и к усилению своей единоличной диктатуры.

И. ГРЕКОВ.

З а м е т к и

АВРААМ РОДИ ИСААКА...

Наряду с прочими бесчисленными врагами народа, особо усиленной чистке подвергаются за последнее время правительства всех сплошь национальных республик. Методами смещений, арестов, судебной — чекистских убийств и... самоубийств осуществляется, под мудрым водительством гениального вождя, возвешенное сталинской конституцией братство народов и самоуправление национальностей. «Запутавшийся в анти-советских связях» («Правда», 2 сентября) и «самоубитый» предсе-

датель украинского Совнаркома Любченко, так недавно еще «под гром аплодисментов» певший хвалу Сталина и его конституции на пленуме Всесоюзного ЦИК'а, является одной из последних громких жертв очистительной национальной политики.

Белоруссия, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Казакстан, Карелия и т. д. — все по очереди проходят эту «самую демократическую в мире» чистку. Теперь настала очередь Киргизии, и «Правда» (31 августа) с похвальной откровенностью рассказывает нам, как ловко изобличает Ежовская «разведка» врагов народа, засевших во всех без исключения правительственных национальных республиках.

В Киргизии врагом народа оказался Наркомзем Есеноманов. Доказательства? Они неопровержимы. Судите сами: «Есеноманов активно поддерживает Исакеев» (председатель Совнаркома Киргизии!). А Исакеев «до сих пор поддерживает связь с Ибрагимовым». Ибрагимов-же — «правая рука Абдурахманова». Ну, а Абдурахманов — это «разоблаченный в свое время буржуазный националист-шпион». Так не очевидно-ли, что Есеноманов — отъявленный враг народа, подлежащий, если не казни, то самоубийству? Авраам роди Исаака...

Метод изобличения врагов и супостатов, бесспорно, блестящий, но и несколько опасный. Ведь, все люди происходят, в конце концов, от Адама. А Адам, как известно, родил сына Каина, неоспоримого «троцкистско-бухаринского мерзавца». Так как бы не вздумал кто протянуть через Адама кайнову нить к самому великому вождю народов? Но нет! На этот именно случай профессор Шестаков в своем учебнике истории уже разъяснил, что Сталин происходит вовсе не от Адама, а от св. Александра Невского и Ивана Калиты. А под них с «троцкизмом» никак не подкопаешься!

ПЕРЕВЕРНУТЬСЯ ИЛИ НЕДОВЕРНУТЬСЯ?

26 августа в «Известиях» появилась статья «Паникеры», подписанная неким Мих. Сувинским и посвященная саратовским областным организациям и газете «Коммунист».

Статья представляет собою настоящий «воплé наболевшей души». В Саратовской области идет уборка урожая, и, как полагается, «не сумев во время подготовиться к встрече нового урожая, не обеспечив запасными частями и квалифицированным ремонтом комбайновый парк, руководство Саратовской области в первые же дни уборки столкнулось с колоссальным количеством неполадок и недоделок»: «комбайновая армия остановилась сразу же, как только вошла в соприкосновение с густыми, богатыми хлебами». Естественно, вместо того, чтобы «на себя оборотиться» или констатировать (как известно, строжайше воспрещенные!) «объективные» трудности, руководство и его газета стали все валить, по заведенному уже образцу, на врагов народа, вредителей и саботажников. «Пошла гулять по краю чудовищная, ни с чем несообразная версия о массовом саботаже урожая», а вместе с «версией» обвинения председателей артелей или парторгов в «антигосударственных тенденциях» и саботаже — разумеется, не без соответствующих «последствий»: «отдачи под суд и отстранения от работы в административном порядке десятков председателей колхозов, бригадиров, предсельсоветов и т. д.».

Вот против этой-то, ставшей уже привычной, расправы вместо «деловых забот о комбайне и комбайнере, о тысячах ударников колхозного труда» и возопил Сувинский, а появление его вопля на страницах официального правительственного органа позволяло думать, что наконец-то и у властей предрержавших начинает мед-

кать понимание того, какой чудовишный вред наносится всему советскому хозяйству вакханалией расправ с мнимыми вредителями и каким прекрасным прикрытием «для оправдания своей собственной бездеятельности и неумения работать» (а зачастую, конечно, еще кое-чего похуже!) является в руках больших и малых «руководителей» «все объясняющий лозунг» повального «вредительства» и «саботажа».

Не тут-то было! 1 сентября в тех-же «Известиях» появилась под заглавием: «Исправление ошибки» краткая заметка:

«По вине редакции 26 августа в «Известиях» была помещена политически ошибочная статья М. Сувинского «Паникеры», представляющая собою по существу вражескую вылазку. Автор статьи, грубо извративший факты и сделавший в своем выступлении совершенно неправильные и политически вредные выводы, снят с работы в редакции «Известий».

Итак, попытка Сувинского ограничить размах «вредительской» свистопляски признана «политически вредною». В сыске врагов народа лучше переборщить, чем недоборщить, лучше перевернуться, чем недовернуться.

Этой директивой решил, очевидно, воспользоваться «Труд». Освещая ход съездов профсоюзов, орган ВЦСПС «слышит на них только «зажим самокритики», «адвокатские речи» и видит там одних лишь «политических слепцов», «обюрократившихся», «оторвавшихся». Редактор газеты «Труд» тов. Попов с рвением, достойным лучшего применения, охаивает профработников всех поголовно, без разбора».

Увы, и переусердие т. Попова оказалось, как внушительно разъясняет ему передовица «Правды» (4 сентября), такую-же «политически вредной линией», как недоусердие т. Сувинского, ибо «только злобствующие мешане или враги могут сплошь охаивать всю работу профсоюзов и всех профессиональных работников валить в одну кучу, как негодных».

Недовернешься — бьют, и перевернешься — бьют, и того и гляди, скоро и т. Попов будет «снят с работы».

Как-же тут быть? Да очень просто: и врагов народа надо ловить «с разбором», а за ключами к «разбору» ходить предварительно — в сталинскую канцелярию...

К похищению тов. Марка Рейна

В Международном Бюллетене, издаваемом секретариатом РСИ, помещено следующее сообщение:

В ночь на 10-ое апреля исчез из своей отельной комнаты в Барселоне Марк Рейн, молодой социалдемократ, предоставивший себя, в качестве техника, в распоряжение испанского правительства.

Многие серьезные признаки указывают на то, что он стал одной из тех жертв политической смуты, которыми сопровождается гражданская война и которые были особенно многочисленны в Барселоне. Его бесследное исчезновение вызвало особо сочувственное внимание потому, что личность его абсолютно исключает всякое подозрение о политической двусмысленности или ненадежности с точки зрения интересов испанской освободительной борьбы.

Марк Рейн вырос в берлинском социалистическом движении молодежи и, после захвата власти Гитлером, стал в Париже председателем союза германской социалистической молодежи и членом группы «Ней Бегиннен». Глубина социалистических убеждений и высокая моральная настроенность характеризовали его. Он был глубоко убежден в необходимости сплочения всех сил для борьбы против фашизма, и последним актом его — в дни, непосредственно предшествовавшие его исчезновению, — было составление обращения к заседавшей в Париже конференции германского Народного Фронта, которое было подписано главными представителями различных групп германской молодежи, пребывающих в Испании. В письме, написанном им за несколько часов до исчезновения одному из друзей по организации, он выражал особую радость по поводу того, что ему удалось в этом случае добиться полного соглашения с представителями коммунистической молодежи в Испании. Это обращение к германскому Народному Фронту в Париже еще умножает загадки, связанные с делом Марка Рейна, ибо дословный текст его появился 12-го апреля в «Парижер Тагесцейтунг» со всеми подписями за одним единственным исключением — подписи самого Рейна. Кто вычеркнул его подпись, выяснить не удалось, и таким образом остается в силе подозрение, что исчезновение самого Марка Рейна 10 апреля стоит в причинной связи с исчезновением его подписи 12 апреля, а что дело тут не в случайном лишь совпадении.

Что Марк Рейн не пал жертвою несчастного случая или ночного нападения в Барселоне, доказывают два письма, написанные им уже после исчезновения. Эти письма являются важной уликой, потому что дата проставлена в них другим почерком и другими чернилами. Они имеют почтовый штемпель «Мадрид, 14 апреля» и поразительным образом были доставлены адресатам в Барселоне уже утром 16 апреля.

За пять месяцев, истекших со времени исчезновения Марка Рейна, его друзьями и родными был предпринят ряд попыток разыскать его. Так, прежде всего отец его, под своим партийным именем Абрамович хорошо известный член Исполкома РСИ, совершил трехнедельную поездку в Барсе-

лону, Валенцию и Мадрид, пытаясь найти следы своего сына. Позднее, в июле 1937 года, то же самое пытались сделать личные и политические друзья Марка Рейна — др. Пауль Герц и Вилли Мюллер. Все эти попытки лишь укрепили убеждение, что в данном случае имело место **похищение по политическим мотивам**, которое, принимая во внимание весь облик Марка Рейна, не может быть характеризовано иначе, как особо вопиющий случай беззастенчивого самоуправства. Но до сих пор не удалось открыть ни малейших данных, которые указывали бы, куда именно девался Марк Рейн после того, как покинул свой отель.

Каким бы тяжелым ударом ни была трагическая судьба Марка Рейна для его семьи и его друзей, значение ее выходит далеко за личные рамки, как одного из тех случаев, в пролитии света на которые в высокой степени заинтересованы все друзья республиканской Испании, сама республиканская Испания и больше всего те социалисты, которые готовы с энтузиазмом и ставя на карту свою собственную жизнь защищать дело испанской республики и трудящихся классов Испании. Поэтому в этом случае, как и в некоторых других, достаточно обоснованных, Исполком РСИ предложил примыкающей к нему социалистической партии Испании и представителям ее в республиканском правительстве Испании сделать все возможное для расследования обстоятельств похищения, выяснения виновников и освобождения Марка Рейна, если он находится в заключении.

Представители испанской социалистической партии выразили полную солидарность с точкой зрения Исполкома РСИ и предприняли ряд шагов для выяснения обстоятельств дела. В результате приходится считать установленным, что в данном случае не имел место арест государственным властями, испанскими или каталонскими, и что Марк Рейн не находится ни в одной из официальных тюрем.

Во время своего недавнего пребывания в Испании в начале сентября председатель РСИ, Луи де-Брукер еще раз констатировал эти отрицательные результаты расследования; он вынес в то же время убеждение, что во всех случаях незаконных репрессий испанское правительство делает все, что в его силах, чтобы восстановить поправное право и аннулировать незаконные аресты.

В ночь на 10-ое апреля из комнаты, которую он занимал в одном из барселонских отелей, исчез бесследно наш молодой товарищ Марк Рейн, сын нашего друга, соратника и одного из руководителей нашей партии, тов. Р. Абрамовича, но сам работавший исключительно в германской социалдемократии. Около полуночи Марк Рейн поднялся из отельного зала, в котором провел вечер с некоторыми друзьями, к себе наверх, и с тех пор

его никто не видел кроме отельного гарсона, в начале первого часа ночи принесшего ему в комнату, по его требованию, бутылку минеральной воды. Постель была найдена несмятой, все вещи, платье, белье остались на своих местах, на столе стояла пишущая машинка с начатым манускриптом статьи, но сам Марк Рейн пропал без следа...

О загадочном исчезновении нашего молодого товарища промелькнули сообщения в испанской печати; ему были посвящены заметки и статьи в некоторых мало распространенных органах прессы, преимущественно анархистской, революционно - синдикалистской, оппозиционно - коммунистической и лево - социалистической; его пытался использовать в своей газете для нападения на испанских республиканцев фашизированный ренегат коммунизма Дорио. Но лишь теперь, свыше чем через пять месяцев, Международный Бюллетень РСИ ставит вопрос об исчезновении Марка Рейна и все связанные с этим исчезновением проблемы перед широким общественным мнением, прежде всего — общественным мнением международного рабочего класса.

Еще в июне Заграничная Делегация нашей партии особым письмом обратила внимание Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала на то, отнюдь не личное только, значение, которое имеет случай Марка Рейна — случай, исключительный в некоторых отношениях по сопровождавшим его обстоятельствам (о чем нам, вероятно, еще придется говорить на столбцах нашего журнала), но далеко не единственный в своем роде, — и Исполком, как констатирует сообщение М. Б., тогда же предпринял известные меры для его расследования. Но, если мы до сих пор не предавали этого дела широкой гласности, то, помимо ряда личных обстоятельств и мотивов чисто практического характера, связанных с попытками найти следы пропавшего, огромную роль играло тут опасение дать лишнее оружие в руки врагам испанской революции и нанести ущерб делу самозащиты трудящихся Испании против отечественного и мирового фашизма — делу, которое, поверх всяких, самых тяжелых личных переживаний, остается священным для нас и которому все мы хотим служить так же беззаветно, как служил ему Марк Рейн, молодой порыв которого был оборван таким тревожно-трагическим образом.

Но именно потому, что случай Марка Рейна с самого начала имел в наших глазах отнюдь не личный только характер, мы никогда не имели в виду похоронить его в вечном молчании. Мы никогда не думали и не думаем, что лучший метод служения революции и социалистическому движению состоит в замалчивании их слабостей и пороков, в предоставлении монополии на констатирование этих слабостей и пороков врагам революции и социализма, использующим свои «разоблачения» для дискредитации дорогого нам дела. Наоборот, мы всегда думали и думаем, что именно на преданных работников революции и социализма ложится в первую голову долг беспощадного раскрытия недостатков, срывов и темных сторон своего собственного движения — не затем, чтобы вредить ему, а, наоборот, затем, чтобы помочь ему преодолеть пороки, ослабляющие его и подготавливающие победу его врагов.

Мы всегда думали и думаем, что и в бурную эпоху революции и гражданской войны лассалевское правило: «высказывать то, что есть», должно оставаться основным принципом социалистической политики — с тем, конечно, чтобы смотреть на «то, что есть», глазами революционера и социалиста. В сложнейшей обстановке большевистской революции наша партия, всеми доступными ей средствами защищая революцию от ее внутренних и внешних врагов, сумела найти для своей критики пороков большевист-

ского режима, дающих ныне всем видимые «сталинские» плоды, такие революционно - социалистические позиции, что лишь заведомые сталинские клеветники и прихлебатели могут смешать ее с «врагами революции». И точно так же, защищая всеми доступными нам средствами испанскую революцию и сохраняя неизбывным свой лозунг: «Все для Испании! Все для победы испанской республики над фашистами!» — мы сочли своим революционно - социалистическим долгом, при первых же признаках опасного изгиба этой революции, с товарищескими чувствами и в товарищеской форме, но со всею определенностью указать на возможные роковые последствия этого изгиба для того дела, за которое борются испанские товарищи и за которое мы хотим бороться вместе с ними (см. передовую «Испанский кризис» в № 10 «С. В.» от 28 мая 1937 г.).

Мы знаем, конечно, что «замалчивать то, что есть», гораздо легче, чем «высказывать то, что есть», когда дело идет о дорогом нам деле и о нашем собственном движении. Но мы всегда думали и продолжаем думать, что международный социализм гораздо лучше служил бы и своим собственным интересам, и интересам русской и испанской революций, подвергая революционно-социалистической критике их недостатки и пороки своевременно, когда эти недостатки и пороки могут еще быть, если не уничтожены, то ослаблены и обезврежены, чем апологетически прикрывая их до тех пор, пока причиненный ими вред станет непоправимым и сокрытие их невозможным...

Теперь настала пора предать дело Марка Рейна широкой гласности. Она настала потому, что исчезли практически все соображения, заставлявшие, в интересах разыскания следов пропавшего молодого товарища, избегать слишком громкой публичности. Как указывает сообщение М. Б. за пять месяцев таких розысков не удалось открыть ни малейших конкретных данных, которые указывали бы, «куда именно девался Марк Рейн после того, как покинул свой отель». Но, с другой стороны, те же розыски «лишь укрепили убеждение, что в данном случае имело место похищение по политическим мотивам», и позволили установить, что «в данном случае не имел место арест государственными властями, испанскими или каталонскими, и что Марк Рейн не находится ни в одной из официальных тюрем». Тем самым ставятся во весь свой рост политические проблемы, которые иначе, как в свете широкой гласности, по нашему глубокому убеждению обсуждению и плодотворно разрешены быть не могут.

Марк Рейн не был арестован государственными властями; он не находится ни в одной из «официальных» тюрем; он похищен по политическим мотивам. ...Мы хорошо знаем, — опыт русской революции достаточно поучителен в этом отношении! — что в начальные периоды всякой гражданской войны, бросающей в водоворот борьбы миллионные массы со всем накопившимся в них за столетия порабощения и угнетения грузом злобной и политически недисциплинированной мстительности, а вместе с массами поднимающей со дна и всю людскую муть, которой так богато современное общество, неизбежны всевозможные «экспессы», в том числе и всякие «самостийные» расправы, совершающиеся даже далеко не всегда по «политическим» мотивам. Но все обстоятельства исчезновения Марка Рейна свидетельствуют, — сообщение М. Б. подчеркивает это, — что он не пал жертвою такого рода «стихийной» расправы. Обстоятельства его похищения неопровержимо доказывают, что похищение это — дело рук одной из тех хорошо налаженных организаций, располагающих большими средствами и возможностями и даже «не-официальными» тюрьмами, которые опять-таки в ходе

всякой гражданской войны пользуются массовым хаосом для «самочинной» расправы со своими действительными или мнимыми «политическими врагами».

Как показывает тот же опыт русской революции, положить конец такого рода партизанскому самоуправству — стихийному и еще более опасному «организованному» — это не только требование элементарной гуманности, но и необходимейшее условие победы революции в гражданской войне и особенно такой, как испанская, где революции приходится обороняться одновременно и против отечественного, и против итало-германского фашизма. Революционное правительство Испании с самого начала поняло первостепенную важность этой задачи и напрягло все усилия, чтобы ликвидировать те партийные «чека» и «неофициальные» тюрьмы, которыми поспешили обзавестись — надо признать это — все пролетарско-революционные партии (коммунисты, анархисты, ПОУМ) за исключением социалистической, да сверх того разные мелкие группы. Сменившее правительство Кабальеро правительство Негрина как раз одной из основных задач своих поставило централизацию не только военного, но и политического руководства и «водворение порядка в тылу», т. е. ликвидацию самоуправления отдельных партий, организаций и групп, — и, несмотря на критическое отношение свое к политическому сдвигу, символизируемому этой сменой, этот пункт программы кабинета Негрина-Прието мы всячески приветствовали (см. упомянутую уже передовую).

Но вот оказывается, что через 15 месяцев после начала гражданской войны, этот кабинет, который, по свидетельству тов. де-Брукера, «делает все, что в его силах, чтобы восстановить поправное право и аннулировать незаконные аресты», не может открыть ни одного конкретного следа, который помог бы осветить преступление, жертвой которого стал наш молодой товарищ, и выяснить его судьбу: это значит, что в самом аппарате своем правительство наталкивается на саботаж и сопротивление. Более того. Уже при новом правительстве происходит столь-же «бесследное» похищение главы ПОУМА, Нина, и правительство опять-таки может лишь констатировать, что его нет ни в одной «официальной» тюрьме, но оказывается не в состоянии установить, ни в какой-же «неофициальной» тюрьме его держат, ни жив-ли он еще вообще. Это значит, что работа «централизации», которую само-же правительство признало жизненно необходимой для победы революции и ради которой оно не остановилось и перед внушающим нам величайшую тревогу насильственным подавлением массовых пролетарских организаций, далеко еще не доведена до конца, что существуют еще партии и организации, располагающие своими «чека» и своими «неофициальными» застенками.

Какие-же это партии и организации? Этот вопрос тесно соприкасается со всей той суммой проблем испанской революции, которые поставлены в порядок дня сменой правительства в Испании и которые, как уже упомянуто, мы тогда-же очертили в нашем органе.

Политика, проводимая правительством Негрина-Прието по отношению к ПОУМ'у и анархистам, исключает, конечно, возможность продолжения ими того «организованного» самоуправления, которым и они немало погрелись в первый период гражданской войны, или дальнейшего существования их «приватных» тюрем; изгнанные из правительственного аппарата, они вряд ли могут с успехом противодействовать расследованию совершенных ими актов самоуправления и «восстановлению поправного права».

Совсем в ином положении находятся коммунисты, находящиеся в составе правительства и играю-

щие виднейшую роль не только в военном, но и в административном аппарате. Органы испанской анархистской, ПОУМ'овской и синдикалистской печати, равно как международная пресса «левых» организаций и групп, переполнены сообщениями об актах самоуправной расправы с политическими противниками, которые практиковали коммунисты в Испании и, в частности и в особенности, в Каталонии и главным организатором которых эта печать называла советского консула в Барселоне, пресловутого Антонова-Овсеевского, прославившегося публичным заявлением своей готовности собственноручно задушить своих бывших «троцкистских» друзей; и отзыв этого консула, хотя бы и с почетным назначением — надолго-ли? — на пост Наркомюста РСФСР, как бы подтверждает, что он даже несколько «переборщил» в своих подвигах. Более того. Та-же печать утверждает, что и по сей день коммунистические расправы, коммунистические «чека» и коммунистические «неофициальные» тюрьмы продолжают попрежнему существовать и действовать.

Мы не берем, разумеется, на себя ответственности за все эти сообщения и утверждения, и готовы заранее признать, что в них имеется немало преувеличений, неизбежных в той ожесточенной межпартийной борьбе, которая сейчас имеет место в Испании. Но за всем тем приходится констатировать, что сообщения эти, несмотря на то, что многие случаи описываются со всеми подробностями, с называнием мест и имен, в большинстве своем остаются непровергнутыми и даже не расследованными. Более того. Однородные сообщения о продолжающемся самоуправстве коммунистов исходят от политических деятелей, которых и самая большая фантазия не заподозрит во «вражде» к испанской революции и испанской республике.

Так цитированный тт. Марсо Пивером и Гэреном («Попюлар», 7 сент.) и напечатанный в обширных выдержках революционно-синдикалистской «Революсион Пролетариенн» (№ 254) отчет делегации, которая только что вернулась из Испании и возглавлялась, наряду с Мэкстоном, председателем английской НРП, тов. Вейль-Кюриелем, членом бюро французского Комитета Социалистической Акции в пользу Испании (КАСПЕ) и главным редактором органа этого Комитета «Социалистическая Испания», категорически утверждает на основании бесед делегации с членами испанского правительства, что похищение Нина есть дело рук коммунистов, которые, если не убили его, то и до сих пор продолжают держать его в своей «приватной» тюрьме. Более того. Со ссылкой на заявления членов того-же правительства, отчет утверждает, что правительство не в состоянии справиться с самоуправством коммунистов и с коммунистическим «засилием».

Бедой такое засилие коммунистов было бы и в том случае, если-бы оно опиралось на силу их влияния в рабочей среде; если бы коммунистической партии в Испании удалось, в силу тех или иных условий, так же увлечь за собою широчайшие трудящиеся массы, как это в свое время удалось большевикам в России. На самом деле и этого нет. На самом деле испанские коммунисты продолжают оставаться наиболее слабой партией в пролетариате. Их сила и их засилие опираются не на поддержку трудящихся масс Испании, а на поставки советского оружия, которые дают трудящимся массам основание считать Советский Союз «спасителем» испанской революции и которые дают коммунистам возможность, несмотря на свою слабость в самой стране, держать революционное правительство Испании «в плену».

Мы видим, какую губительную роль в развитии внутренне-политических отношений в Испании сыграла принятая демократическими державами, и особенно Францией, политика так наз. невмешательства. И мы не можем

не подчеркнуть, что единственным способом радикально покончить с коммунистическим засилием в Испании была бы ликвидация этой политики. Но это ничуть не избавляет международный социализм от обязанности теперь же освещать все гибельные последствия этого засилия для судеб испанской революции и для исхода испанской гражданской войны — с тем, чтобы на путях товарищеской помощи, товарищеского воздействия и товарищеской критики помочь нашим испанским товарищам, если не полностью уничтожить, то хотя смягчить и ослабить эти последствия, роковое значение которых они и сами конечно хорошо понимают.

Эти последствия вытекают из самого характера политики испанских коммунистов. Опираясь не столько на свою собственную массовую силу, сколько на мощь сталинской диктатуры, они и в правительстве, и в государственном аппарате являются, как мы имели уже случай указывать, не столько представителями социальных сил самой испанской революции, сколько сталинской агентурой. Их политика является поэтому не столько выражением потребностей самой испанской революции, сколько выражением внешне- и внутренне-политических потребностей сталинской диктатуры. Отсюда — это перенесение в Испанию разнузданной и ни перед чем не останавливающейся борьбы с «троцкистами», с зачислением в «троцкисты» всех неправоверно-сталинских и инакомыслящих деятелей и течений в рабочей среде, которое в Испании может привести лишь в вырыванию пропасти между широчайшими массами трудящихся и революционным правительством и потому грозит поражением республики в той гражданской и международной войне, которую она может выиграть, лишь опираясь на активнейшую поддержку и революционный энтузиазм масс.

Само собою разумеется, что мы — при активном содействии Социалистического Интернационала и испанской социалистической партии — будем со всею энергиею продолжать работу над внесением полной, не оставляющей места никаким сомнениям, ясности в вопрос о том, «куда именно девался Марк Рейн». Но ряд весьма веских косвенных улик дает нам право уже теперь открыто поставить вопрос: не сыграло-ли коммунистическое «засилие» решающей роли в трагической судьбе М. Рейна? И тот же вопрос заставляют ставить и соображения более общего характера. Мы знаем, что для коммунистов и их советских руководителей и М. Рейн, последовательный и твердый социалдемократ, был «троцкистом». Мы знаем, что для расправы с «троцкистами» для них все средства хороши. Мы знаем, что, как сын лидера нашей партии, он для них оставался русским социалдемократом, хотя и работал лишь в германском движении. Мы знаем, что коммунисты — единственная партия в Испании, и по-сейчас имеющая свое «чека» и «свои» тюрьмы. Мы знаем, что они и теперь создают не только в тылу, но зачастую и на самом фронте такое положение для всех неправоверных сталинцев, которое не только задерживает приток новых добровольцев в республиканскую армию, но нередко заставляет социалистов, оппозиционных коммунистов и анархистов, в свое время из разных стран тысячами ринувшихся в Испанию, чтобы отдать свою жизнь делу испанской свободы и независимости, задумываться о возвращении на родину. Все это дает нам, и вместе с нами всему Социалистическому Интернационалу, право требовать от коммунистов, чтобы они либо освободили Марка Рейна, если это они похитили его, либо же использовали все имеющиеся в их распоряжении громадные средства и возможности для розыскания и освобождения его или, по крайней мере, для полного раскрытия совершенного над ним преступления, если он похищен не ими. Но именно в этом направлении они до

сих пор пальца о палец не ударили. Наоборот, все поведение барселонских коммунистов и всей коммунистической печати в этом деле носит крайне двусмысленный характер, способный вызвать наихудшие подозрения...

Еще и еще раз: дело идет не только о Марке Рейне, не только о его родных, личных и партийных друзьях. Дело идет, повторяем, об «одном из тех случаев, в пролитии света на которые в высокой степени заинтересованы все друзья республиканской Испании, сама республиканская Испания и больше всего те социалисты, которые готовы с энтузиазмом и ставя на карту свою собственную жизнь защищать дело испанской республики и трудящихся классов Испании». Международный социализм не нанесет вреда испанской революции, а, наоборот, поможет ей справиться с ослабляющими ее пороками, если не предоставит такого рода «случаи» в монопольное использование ее врагов, а, стремясь к полному и всестороннему освещению их, сделает их повторение невозможным и добьется освобождения Марка Рейна и других жертв самочинной расправы...

**

Из газетных заметок и статей, о которых говорится в нашей статье, отметим две, которые дают совершенно определенные и детальные версии преступления, жертвой которого пал наш молодой товарищ. Не имея пока возможности проверить в полной мере эти сообщения, мы оставляем их достоверность на ответственности авторов.

Одна из этих статей появилась в № № 29 и 30 эмигрантского немецкого еженедельника «Фрайес Дейтшланд», издаваемого Максом Сиверсом в Бельгии. В статье, озаглавленной: «Опасные происки в тылу испанского фронта», орган этот, со слов хорошо осведомленного в испанских делах корреспондента, передает о секретном докладе, который составил, по поручению военной контр-разведки каталонского главнокомандующего генерала Позас, агент этой разведки, **Лауренчик** (агент S.S.29).

Л., которому в конце мая было поручено расследовать дело Марка Рейна и аналогичные случаи «таинственного исчезновения», пришел к заключению, на основании показаний ряда пострадавших, что случаи эти являются результатом совместной «деятельности» двух организаций: с одной стороны «Заграничного Отдела ПСУК» (Компартия Каталонии), во главе которой стояли немец **Альфред Герц**, русский чекист **III Киндерман** и другие, и который помещался на ул. Диагональ № 428; с другой стороны испанской разведки, известной под именем «Группо де Информасьон» и помещающейся на Авенидо Павлов. № 24.

Поработав около двух недель Лауренчик открыл около 40 случаев незаконных арестов, похищений, истязаний и даже один случай убийства (Ганс Беймлер).

Разоблачения Лауренчика вызвали неудовольствие в определенных кругах и его деятельность была приостановлена. Оригинал отчета был у него отобран обманным образом, а сам он был уволен со службы и в начале июля арестован по обвинению в уголовных преступлениях.

В этом своем докладе Лауренчик утверждает, что Марк Рейн был, по просьбе Заграничного Отдела ПСУК'а, арестован испанскими агентами «Группо де Информасьон» и заключен в секретную тюрьму, имеющуюся при этой «Группе». Оттуда он был выдан коммунистам, которые либо держат его в одной из «приватных» тюрем в Испании, либо же превезли его в Россию.

Прибавим, что тт. Герц и Мюллер во время своего пребывания в Испании встретились с Лауренчиком и ознакомились с его докладом.

Аналогичную версию, но еще с большей категоричностью и с большим количеством деталей, передает испанская анархистская газета «Либертад», нелегально выходящая в Барселоне. В № 2 от 1-го августа 1937 г. делу Марка Рейна посвящена целая страница, под заглавием: «Те, которые бесчестят революцию. — В Барселоне действует анти-революционная Чека».

В статье этой утверждается, что Марк Рейн был в ночь с 9-го на 10-ое апреля вызван по телефону из своей комнаты и заманен в ловушку. Там его заставили написать те письма, о которых сообщается в официальном извещении РСИ, и ко-

которые потом были отправлены якобы из Мадрида с фальсифицированной датой.

«Говорят, будто после этого Марк Рейн был убит агентами Альфреда Герца. Мы, имеющие лучшую информацию, полагаем, что это не так... Марк Рейн не был убит. Мы утверждаем, что он в настоящее время находится в России, в руках ГПУ. Он был отправлен в Россию, как «пакет» на борту парохода, ушедшего из Барселоны между 11 и 30-м апреля... Мы утверждаем, что коммунистическая Чeka в Барселоне не одного только Марка Рейна переправила в Россию аналогичным образом, завернутым в ковер. Целый ряд лиц подвергся этой операции. Интересующиеся могут получить точные данные у вождей некоторых так наз. «демократических» партий, живущих в Испании или за границей»...

Маленькое происшествие и большой вопрос

30 августа, при возвращении из Праги в Брюссель, я был задержан в Голландии пограничными властями. Это маленькое происшествие дало части сенсационной прессы повод для фантастических «сообщений» о «тайных миссиях», о «собрании красных портовых рабочих Роттердама» и т. п. Я считаю поэтому целесообразным противопоставить противоречивым сообщениям печати рассказ о действительно имевших место фактах.

Социалистическая партийная пресса Голландии и Бельгии уже указала вполне правильно на значение, какое при нынешнем положении дел имеет **паспортное инкогнито** для политика, работающего в международных рамках. В качестве австрийца я нахожусь в этом отношении в особо трудном положении. Для меня «ось Рим-Берлин» стала реальностью сейчас же после февральских событий 1934 года: уже тогда фашистский барьер, отделяющий запад Европы от ее востока, стал для меня непроницаемым, так как я не только в Германии и Италии, но, само собою разумеется, и в Австрии был внесен в черный список тех, кого пограничная стража этих стран должна задерживать.

А между тем, моя должность секретаря Рабочего Социалистического Интернационала требует постоянного контакта с социалистическими партиями не только Западной, но и Восточной и Северной Европы. Особенно часто, как это само собою понятно, приходилось мне за эти годы искать общения с товарищами в Чехословакии, единственном государстве Востока, сохранившем демократию. Такая поездка в Чехословакию стала настоятельно необходимой уже немедленно после победы Доллфусовских пушек над венскими рабочими в феврале 1934 года, так как мне нужно было встретиться со своими австрийскими друзьями, которым удалось после поражения укрыться в Чехословакии, чтобы обсудить с ними, прежде всего, организацию помощи австрийским жертвам Февраля. Один швейцарский товарищ, которого я раньше вообще не знал, предоставил мне для этой цели, в виде акта само собою разумеющейся солидарности, свой паспорт, и я по сей день горячо благодарен ему за великую услугу, которую он мне оказал, дав мне возможность тотчас же свидеться со своими австрийскими друзьями. Понятно, что приятного в таких путешествиях, заставляющих пробираться чуть не под самыми стенами концентрационных лагерей, мало, но до последнего случая никаких затруднений при проезде через фашистские страны или полете над ними в аэроплане я не испытывал.

И во время моего последнего путешествия, когда я пролетел без остановки над Германией, я имел, наряду с моим подлинным и действительным паспортом, паспорт-инкогнито на тот случай, если бы аэроплан оказался вынужденным спуститься в Германию. Этого не случилось, но, по ряду случайных обстоятельств, голландским властям стало известно, что кроме моего австрийского паспорта, по которому я прописался в отеле, у меня имеется другой паспорт-инкогнито, которым я воспользовался для путешествия в аэроплане. Было начато следствие, которое окончилось бы очень быстро, если бы я согласился показать, каким образом я получил этот паспорт. Но я заявил, что, хотя и готов нести все последствия своего поведения, но считаю недопустимым причинять какие-бы то ни было неприятности французскому товарищу, оказавшему мне услугу доставкой паспорта, и потому отказываюсь от каких бы то ни было показаний по этому вопросу.

За эти четыре дня в Роттердаме я узнал о Голландии немало такого, «о чем Бэдекер не говорит». Лично мне жаловаться не на что: со мною обращались чрезвычайно вежливо и хорошо и очень старались закончить дело как можно

скорее. Я хотел бы, чтобы и другие товарищи, особенно же прибывающие в Голландию германские беженцы, выносили из общения с голландскими властями столь же отродные впечатления, как я сам, — чего, к сожалению, слишком часто не бывает. Особою благодарностью обязан я товарищам Альбарда и доктору Донкеру, истинно по дружески хлопотавшим о скорейшем окончании дела.

Я несколько не хочу придавать чрезмерное значение испытанному мною маленькому профессиональному «несчастью случаю», но остается все-же та большая проблема, которую и в паспортном вопросе ставит в порядок дня пересекающий Европу фашистский барьер. Фашистское насильничество вовлекает многие тысячи людей в непрерывные конфликты со всевозможными полицейскими распоряжениями. Нормальный гражданин демократических государств, располагающий регулярным паспортом и пользующийся благодаря ему свободой передвижения по всему свету, и не представляет себе по настоящему, что значит в действительности «паспортная проблема» и какое значение она приобрела после мировой войны. Прежде то была проблема русского царизма, которую знали по наслышке; теперь, благодаря «оси Рим-Берлин», она встала во весь рост в самом центре Европы и сделалась подлинно жизненным вопросом для десятков тысяч людей.

Ф. Адлер.

ЗАГРАНИЦЕЙ

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ ЭСТОНИИ.

13 августа эстонское Национальное Собрание окончательно приняло новую конституцию. Парламентские выборы состоятся вероятно в начале 1938 года. Это означало бы возвращение эстонской республики к нормальному, правовому порядку. Через несколько месяцев после вступления в силу новой конституции должна быть более или менее ликвидирована та полудиктатура, которую с марта 1934 года осуществляет президент государства Пятс. Тем самым был бы до поры до времени закончен цикл того внутренне-политического развития Эстонии, которое было вызвано мировым кризисом и победой фашизма в Средней Европе.

Что дало это развитие? Как выглядит новая конституция? Конституция имеет **демократический** характер, поскольку предусматривает всеобщие выборы в нижнюю палату. Повышение возрастного ценза избирателей до 24 лет конечно сильно ограничивает политические права молодежи, но не уничтожает общего демократического характера выборов. То же самое можно сказать и о другом важном новшестве, согласно которому Эстония будет впредь делиться на 80 избирательных округов, каждый из которых будет выбирать одного лишь депутата, притом по английской системе простого большинства в едином избирательном туре. Пропорциональные или мажоритарные выборы — это, в конце концов, скорее практический вопрос избирательной техники, чем решающий принципиальный вопрос демократии. К тому же в благоприятных условиях, при совместном действии оппозиции именно эта система может стать весьма опасной для нынешнего правительства.

Но новая конституция **недемократична** в том отношении, что вводит не избираемую народом **верхнюю палату** и наделяет будущего президента государства весьма широкими полномочиями. Верхняя палата будет состоять из 40 членов. 10 из них будут попросту назначаться президентом государства, остальные 30 избираться различными сословными палатами. Рабочие получают при этом лишь 3 представителей (по одному от палат промышленных, сельскохозяйственных рабочих и работников умственного труда). Эта верхняя палата будет совершенно недемократическим учреждением типа тех, которые составлялись в до-военное время на основе цензовых выборов. Понятно, что эта палата ни в какой степени не будет отражать ни социального слоения, ни действительного настроения народа. Она задумана, как реакционный противовес демократически избираемой нижней палате.

Таким образом новой конституции присущи и демократические, и анти-демократические черты. Она более демократична, чем конституция, принятая в 1933 году референдумом под влиянием очень сильного в то время фашистского движения. Она менее демократична, чем первая конституция эстонской республики 1920 года. В общем и целом она означает **возврат к ограниченной демократии** и в этом смысле может быть рассматриваема, как шаг вперед.

Приходится весьма пожалеть, что в свое время (в конце 1936 года) оппозиция бойкотировала выборы в Национальное Собрание. Конечно, Пятсовская диктатура не допускала тогда возобновления партийной деятельности. Но все же у оппозиции были возможности агитации, и она несомненно по-

лучила бы сильное представительство в Национальном Собрании. Это дало бы ей возможность воздействовать на выработку новой конституции в более демократическом духе. В царское время у социалдемократии было значительно меньше агитационных возможностей, и все же она выборы в России не бойкотировала. К сожалению, в Эстонии не последовали этому примеру.

Новая конституция Эстонии и особенно предстоящие через несколько месяцев парламентские выборы окажут сильное влияние на другие прибалтийские страны, тесно связанные между собою в культурном и политическом отношениях. Латвия и Литва еще изнывают под фашистской диктатурой, причем наиболее плохо положение в Латвии. Литва имеет призрачный парламент, выбранный при отсутствии избирательной свободы, но у Латвии нет вообще никакого парламента и никакой конституции, а лишь военное положение, не прекращающееся вот уже скоро три с половиной года. Народ Латвии и Литвы — особенно первой, как страны, находящейся в непосредственном соседстве с Эстонией, — конечно спросит себя: если демократические выборы оказываются возможными и полезными в Эстонии, то почему латышам и литовцам отказывают в том же праве? Поэтому рижская и ковенская диктатуры очень недовольны эстонской эволюцией и стараются по возможности замолчать новую конституцию Эстонии. Но конечно надолго это им не удастся.

Каковы перспективы выборов в эстонский парламент? Это зависит главным образом от того, насколько велика будет свобода избирательной агитации, и насколько политические партии получат уже сейчас право полностью возобновить свою деятельность. Но и в том случае, если из страха перед оппозицией правительство Пятса еще формально не разрешит партий, у них все же будет фактическая возможность выставлять кандидатов и участвовать в выборах с довольно хорошими шансами на успех. Поскольку можно судить сейчас о положении в Эстонии, в народе существует сильное недовольство трехлетней диктатурой, что пойдет весьма на пользу демократической оппозиции.

К сожалению, эстонский пролетариат расколот на 4 группы. Имеется старая право-социалистическая партия под руководством Рея, Ойнаса и Ионаса, издающая в Таллине еженедельную газету «Рахва Сэна». Есть лево-социалистическая группа, руководимая Андресеном, за которой стоят главным образом молодежь и часть профессиональных союзов. Имеется далее особая группа социалистических профессионалистов под руководством Иогансона, отдельное существование которой, в сущности, не имеет оправдания и объясняется лишь мотивами личного характера. И наконец имеются пребывающие в полной нелегальности коммунисты. Злосчастный раскол пролетариата, да еще в маленькой стране, будет весьма вреден для социалистов на выборах.

Во всяком случае можно с удовлетворением отметить, что за последние несколько месяцев установилось единство действий между правыми и левыми социалистами. Обе эти группы будут выступать на выборах совместно. Как сообщают из Таллина, они выставят социалистических кандидатов в 30 округах, с хорошими шансами в 20 из них. Буржуазные демократы проектируют большой оппозиционный блок с мелко-крестьянской партией (Пэнно), оппозиционным крупно-крестьянским союзом (Теемант) и странным образом также с остатками прежней фашистской партии вабсов. Последние держатся теперь весьма демократически. К этому блоку (а не к социалистическому) примкнула будто бы совершенно непонятным образом и группа социалистических профессионалистов (Иогансон). Во главе всего блока встанет бывший президент государства, известный демократический политик Тэнишон. Предполагается, что между буржуазным оппозиционным блоком и социалистическим состоится известное соглашение, так что оппозиционные кандидаты, вероятно, лишь в редких случаях будут выступать друг против друга.

Эстония стоит перед важной избирательной кампанией, и надо пожелать полного успеха социалистической и демократической оппозиции.

Балтикус.

ЛАТВИЯ НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.

Фашистское правительство Ульманиса решило продлить военное положение в Латвии на новые полгода, т. е. до 15 февраля 1938 года.

Латвия находится на военном положении без перерыва с 15 мая 1934 года, с ночи пресловутого Ульманисского переворота. С тех пор военное положение возобновляется каждые 6 месяцев на новые полгода. Так создалась совершенно невероятная ситуация: в обстановке полнейшего мира Латвия уже 3 года 4 месяца живет на военном положении!

Тщетно спрашивают заграницей: против кого же собственно ведет правительство Ульманиса войну? Фашистское пра-

вительство Латвии уверяет, ведь непрерывно иностранцев, что латвийский народ диктатурой Ульманиса доволен, и что в стране царит спокойствие и порядок. Если это так, то почему же правительство так упорно держится за военное положение? Правительство, не боящееся собственного народа, может править и без военного положения.

В настоящее время Латвия является как будто единственной страной, в которой в течение ряда лет оказывается возможным господствовать над народом лишь при помощи военного положения. Даже в Германии, Италии и Австрии военного положения уже не существует. Но латвийский диктатор только с помощью военного положения может поддерживать свой насильнический режим.

Нынешнее диктаторское правительство является чистейшим правительством насилия, не опирающимся ни на какую правовую основу. Совершив фашистский путч 15 мая 1934 года, правительство Ульманиса противозаконно приостановило действие демократической конституции и деятельность избранного народом парламента. Сейчас же после переворота клятвопреступник Ульманис обещал через несколько месяцев отменить военное положение и дать стране новую конституцию. Прошло уже свыше трех лет, а конституции в Латвии все еще нет! Несколько недель тому назад диктатор Карл Ульманис (которого в народе называют «толстый Карл»), у которого все нарастает мания величия, принимающая подчас прямо болезненные формы, заявил в своем ближайшем окружении, что, пока он жив, Латвия ни в какой конституции не нуждается; но кроме того в стране еще нет «настоящего» спокойствия, да и в самом правительстве еще «не все в порядке». И действительно, стало известно, что весьма умеренные и авторитарные конституционные проекты, выработанные товарищем министра-президента Скуенексом, послом доктором Вальтерсом и др., всемогущий диктатор просто выбросил в корзину. К чему конституция, когда имеется Ульманис!

Доходит до того, что забитая в колодки латвийская печать не смеет даже сообщать никаких подробностей о прениях в эстонском Национальном Собрании и о новой эстонской конституции. Как бы мало демократична ни была эта конституция, это все же конституция, в ней все же речь идет о каких-то выборах. Узурпатор же Ульманис, превративший сам себя в одну ночь, по образцу Гитлера, в «вожделю», и слышать не хочет ни о каких выборах, так как при скольконибудь свободных выборах все его великоколепие сразу рухнуло бы.

На деле, в связи с растущей дороговизной и громадными налогами, недовольство диктатурой за последние месяцы весьма усилилось и охватывает ныне чуть не все слои народа. Освободительная борьба латвийского народа получила благодаря этому более широкую основу. Вывиннутый социалистическою рабоче-крестьянскою партией Латвии (нелегальною преемницею латвийской социалдемократии) лозунг Народного Фронта встречает заметное сочувствие. Печатаемые тайно в Латвии газеты партии: «Революционные Социалисты» и «Рижский Рабочий» хорошо распространяются и читаются. После трех лет пассивности в нынешнем году было снова несколько и притом успешных стачек. Надо полагать, что предстоящей зимой антифашистское движение еще более окрепнет.

ПО РОССИИ

«Вражеские гнезда» в национальных республиках.

Искоренение «врагов» за последние месяцы с особой энергией проводится в национальных республиках.

Процесс «очищения» верхушки советского и партийного аппарата Украины в основных чертах, казалось, был закончен еще в начале июня. В течение апреля и мая все руководящие местные парторганы были переизбраны, ряд областных и районных партсекретарей смещен, руководящие советские органы «проверены» и «очищены» от врагов. В начале июня съезд компартии Украины избрал новый ЦК компартии, ЦК в свою очередь избрал новый секретариат, новое политбюро и новое оргбюро, в состав которых были избраны, казалось, вернейшие из верных. Процесс очищения, если не совappарата, то по крайней мере верхушки компартии, как будто можно было считать законченным. Увы, теперь только и обнаружилось подлинное бедствие.

Началось с «радиовещания», которое оказалось в руках совершенно «обнаглевших врагов». Только-только успел ЦК КПУ справиться с этой бедой («Правда» от 21-го июля), открылась «омерзительная картина наглой работы кучки троцкистских шпионов, окопавшихся в руководящих комсомольских органах», включая и ЦК ЛКСМУ («Правда» от 25-го июля), и обнаружилось «вражеское засилье» в редакциях газет ЦК КПУ «Коммунист» («Правда» от 20-го июля) и Киевской областной газеты «Пролетарская Правда» («Правда» от 24-го июля). Но все это были только цветочки: от редакции «Коммуниста» нити протянулись к секретарю ЦК и члену

Политбюро **Н. Н. Попову**. «Иностранный отдел редакции «Коммуниста» возглавляли шпионы», главным редактором был «троцкистский шпион», редакция совершала «наглесткие подлоги», чтобы скрыть врагов народа и их покровителей; так характеризует «Правда» «компанию друзей и соратников Попова Н.» (уже без «тов.», конечно). Судьба Попова, очевидно, решена *).

И это была уже не первая, а вторая жертва в составе нового Политбюро. Из трех секретарей нового ЦК (Косиор, Хатаевич, Попов) незадолго до того сломал себе шею еще один — **Хатаевич**. Еще совсем недавно, после падения Постышева, избранный на пост первого секретаря Киевского обкома и 2-го секретаря ЦК, Хатаевич вскоре тихо отошел в небытие. О падении его, правда, в московской печати ничего не сообщалось, но имя его исчезло со страниц газет, а когда 10-го июля собрался партийный актив Киевской организации для заслушивания доклада об итогах пленума ЦК ВКП, в качестве докладчика выступил уже не Хатаевич, а Кудрявцев («Правда» от 13-го июля). Не остается сомнений, что и Хатаевич перешел уже в разряд «бывших».

Два новых секретаря ЦК (из трех), члены нового политбюро и нового оргбюро ЦК, уже сошли таким образом на нет. Но ЦК КПУ ждали еще новые огорчения. Так же тихо, как и Хатаевич, и почти в то же время, сошел со сцены и еще один из крупнейших сановников украинской компартии, первый кандидат в члены политбюро **Саркисов**. Многолетний секретарь Донецкого обкома, он был назначен в конце апреля на пост начальника Донбассугля («Правда» от 29-го апреля). Перед ним была поставлена непосильная задача: вытащить Донбасс из прорыва. С задачей этой Саркисов, как и нужно было ожидать, не справился и был объявлен «врагом народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правда, и об этом открыто сообщено не было; но когда «За Индустриализацию» (от 12-го июля) сообщила о назначении на должность начальника Донбассугля Елифанцева (без упоминания о том, что-же стало с Саркисовым) и в том же номере в передовице отметила, что «в последние дни в Донбассе изъятые враги народа, занимавшие руководящие посты в комбинатах», — не оставалось сомнений, что и судьба Саркисова уже решена.

Лиха беда начало. За Хатаевичем, Поповым и Саркисовым последовал 1-й секретарь ЦК украинского комсомола и член оргбюро ЦК КПУ **Андреев**, постановлением пленума ЦК ВЛКСМ недавно объявленный «изменником родины, врагом народа» (вместе с секретарями ЦК ВЛКСМ **Лукьяновым**, **Салтановым** и **Файнбергом** и главным редактором «Комсомольской Правды» **Бубекиным**; см. «Правду» от 29-го августа).

Но ЦК КПУ ожидал еще новый и наиболее тяжелый удар. 30-го августа, «запутавшись в своих антисоветских связях», покончил самоубийством председатель украинского Совнаркома, член политбюро и оргбюро ЦК КПУ **Любченко** («Правда» от 2-го сентября). Положение оказалось настолько тревожным, что преемника Любченко пришлось искать уже не среди 22 членов политбюро и оргбюро ЦК КПУ и кандидатов к ним, и на пост председателя украинского Совнаркома был назначен почти никому до сих пор неизвестный **Бондаренко** («введенный», конечно, теперь и в политбюро).

В **Белоруссии** разгром верхушки был закончен еще в начале лета: арест 4-х членов политбюро ЦК КПБ, самоубийство председателя ЦИК'а **Червякова**, снятие с поста председателя Совнаркома **Голодеда** (по новейшим сведениям «Гаваса» и он уже покончил с собой) и первого секретаря ЦК КПБ **Гикало** еще у всех в памяти. Но вот прошло немного месяцев, и московский корреспондент «Тан» (от 17-го августа) сообщает о новом аресте наркома в Белоруссии — на этот раз нарком-внука **Гуревича**; а еще немного спустя ничему уже не удивляющаяся европейская читающая публика узнала из телеграммы московского корреспондента «Гаваса», со ссылкой на минский «Рабочий» от 9-го сентября, что и карьера новоиспеченного председателя белорусского Совнаркома **Волковича** уже закончилась. Должность председателя Совнаркома союзной республики не на шутку становится опасной.

О расстреле летом этого года в **Грузии** группы видных старых грузинских большевиков, в состав которой входили **Буду Мдивани**, бывший троцкист, потом покаявшийся и ко времени ареста занимавший пост заместителя председателя Совнаркома, и др., у нас уже сообщалось. Одновременно был снят с поста и арестован председатель грузинского Совнаркома **Магаловили**. И об этом читатели московских газет могли лишь догадаться, когда газеты сообщили об избрании на пост грузинского предсовнаркома **Бакрадзе** («Правда» от 10-го июля). По сообщению московских корреспондентов европейской печати в начале сентября в Тифлисе состоялся суд над бывшим предсовнаркомом **Магаловили**, его заместителем

Агниашвили и др. по обвинению в терроризме и государственной измене. 7 главных обвиняемых, в том числе **Магаловили** и **Агниашвили**, расстреляны.

В **Узбекистане** разгром в полном разгаре. Еще в июне московский корреспондент «Тан» сообщил о снятии с постов председателя Совнаркома **Файзуллы Ходжаева** и нескольких наркомов. Московская печать и об этом долго молчала. Лишь много позже «Правда» сообщила, что **Файзулла Ходжаев**, **Таджиев** (б. председатель Горсовета), члены бюро ЦК Компартии **Каримов**, **Исламов**, **Цехер** (б. секретарь ЦК), **Манжара** и др. сановники «вели вооруженную борьбу с советской властью, организовывали басмачество», а под конец, «соединившись с троцкистами, бухаринцами, превратились в наймитов фашизма» («Правда» от 8-го сентября). Об Узбекистане пишут сейчас очень энергично, и повидимому, решена уже судьба и теперешнего первого секретаря ЦК Узбекстанской Компартии **Икрамова**, в последней корреспонденции «Правды» (от 10-го сентября) уже лишенного звания «тов.».

В **Таджикистане** та же картина, даже в более ярких красках: предсовнаркома **Рахимбаев** — даже пока не бывший, а формально все еще как будто числящийся председателем Совнаркома! — объявляется старым закоренелым предателем; «во главе ряда наркоматов оказались враги народа, буржуазные националисты, продавшиеся буржуазной разведке»: Наркомзем **Курбанов**, Наркомместпром **Абдулаев** (б. секретарь ЦК компартии), Наркоминишпром **Азимджанов**, Наркомлегпром **Масаидов**, Наркомпрос **Хасанов**. «Враги» — и зам-предсовнаркома «шпион» **Кактынь**, и управдел Совнаркома «троцкист» **Фотолбеков** (его предшественниками в должности управдела СНК были «буржуазный националист» **Имамов** и «националист и мулла» **Мирзаев**), и председатель ЦИК'а «шпион» **Шотемор**, и быв. первый секретарь ЦК **Шадунц**, и председатель Сталинабадского горсовета «подлый националист, руководитель басмаческих банд» **Рызков**, и многие другие («Правда» от 10-го и 12-го сентября). Сплошное царство «врагов» и «фашистских агентов».

Скопляются тучи и над **Киргизистаном**. «Правда» (от 4-го и 31-го августа) уже «прорабатывает» предсовнаркома **Исакеева**, наркомзема **Есеноманова**, наркомкомхоза **Тимербекова**, наркомздрава **Шоруква**, секретаря ЦИК'а **Айлычинова** (всех без «тов.»). Разгром не заставит себя ждать.

Сравнительно тихо пока, повидимому, в **Туркменистане**, но и здесь, по сообщению московского корреспондента «Тан» (от 17-го августа), снят с поста председатель ЦИК'а **Айтаков**. То же одновременно произошло, по сообщению того же корреспондента, и с председателем ЦИК'а **Армянской ССР Анезголианом**.

Не лучше, а часто хуже обстоит дело и в национальных автономных республиках: за одну только последнюю неделю сообщения о разгроме советской и партийной верхушки появились в «Правде» по **Бурят-Монгольской АССР** («Правда» от 7-го сентября), **Чечено-Ингушской АССР** («Правда» от 8-го сентября), **Карельской АССР** («Правда» от 9-го и 11-го сентября). Останавливаться на этих сообщениях в рамках настоящего обзора нет возможности; может быть, у нас еще будет случай к ним вернуться.

Конечно, среди «разоблачаемых» сейчас советских сановников немало приспособленцев, карьеристов, Держиморд и беспринципных авантюристов, но немало и других. И гонят их, конечно, не за уголовные наклонности, а за ту политическую опасность, которую — особенно накануне выборов — представляют для Сталинской диктатуры люди, связанные с местным населением и уходящие корнями в местную почву. С этой точки зрения приобретает большой интерес одна черта, которая все отчетливее выступает в новейших сообщениях о борьбе с врагами в национальных республиках.

Если еще 2-3 месяца назад «чистка» советской и партийной верхушки национальных республик — союзных и автономных — происходила прежде всего под лозунгом искоренения «троцкистско-фашистской агентуры» и по своей терминологии не отличалась сколько-нибудь существенно от очистительной операции в не-«национальных» частях СССР, то сейчас положение заметно меняется: новая кампания все отчетливее заостряется против местного «буржуазного национализма» и сознательно и планомерно разворачивается.

Ведь, конечно, неслучайно, что с конца августа «Правда» почти ежедневно публикует обширные статьи о расцвете местного национализма то в одной, то в другой национальной республике: 31-го августа о Карелии, 3-го сентября об Узбекистане, 6-го опять об Узбекистане, 7-го о Бурят-Монголии, 8-го о Чечено-Ингушии и вновь об Узбекистане, 9-го опять о Карелии, 10-го о Таджикистане и в 4-ый раз об Узбекистане, 11-го вновь о Карелии, 12-го вновь о Таджикистане.

Эта систематическая кампания против местных национализмов при все более отчетливо намечающемся общем курсе на воспитание в массах русского национального чувства приобретает весьма показательный характер.

С. III.

*) Полагаем, что речь идет о том самом Н. Н. Попове, который в 1918-20 гг. играл, по поручению Чека, провокаторскую роль в украинских организациях нашей партии. — Ред.